

Военные
Приключения

АГЕНТУРНАЯ КЛИЧКА - ЛУНЬ

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН

Военные приключения

Николай Черкашин

**Агентурная кличка
– Лунь (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2014

Черкашин Н. А.

Агентурная кличка – Лунь (сборник) / Н. А. Черкашин —
«ВЕЧЕ», 2014 — (Военные приключения)

В книге рассказывается о судьбах «нелегала из Кёнигсберга» – советского военного разведчика, работавшего под оперативным псевдонимом «Лунь», его боевого соратника – фотокорреспондента Сергея Лобова, их друзей и близких, опаленных безжалостным пламенем Великой войны. А контрразведчики – герои повести «Знак Вишну» – вступают в смертельно опасную схватку с отрядом террористов-«вервольфов», оставленных фашистами в небольшом городке Альтхафене, расположенном на берегу Балтийского моря...

© Черкашин Н. А., 2014

© ВЕЧЕ, 2014

Содержание

Агентурная кличка – Лунь	6
Необходимое уведомление	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	30
Глава пятая	39
Глава шестая	41
Глава седьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Николай Черкашин

Агентурная кличка – Лунь (сборник)

© Черкашин Н.А., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

Агентурная кличка – Лунь

*Посвящается Александру Михайловичу Агафонову
(он же – Алекс Глянцев,
он же – Александр Попович,
он же – Александр Качурин),
чья жизнь вобрала в себя все тернии XX века,
и который вышел победителем из всех испытаний*

Необходимое уведомление

1939 год... В это тревожное предвоенное время в Кёнигсберге, столице Восточной Пруссии, разведчики всех стран будущей коалиции с риском для жизни добывают информацию, позволяющую понять, насколько серьезно Гитлер готовится к войне, где и когда будет нанесен главный удар. Среди прочих работает в этом важнейшем городе Третьего рейха и разведчик-нелегал Разведупра РККА майор Николай Северьянов, агентурная кличка «Лунь». До него доходят вполне достоверные сведения, что в его ведомстве началась совершенно не ко времени большая кадровая чистка, в ходе которой погибает и его давний друг и коллега – резидент кенигсбергской разведсети. Лунь, понимая, что неожиданный вызов в Москву грозит ему гибелью, выходит из игры, становится невозвращенцем. Теперь для него враги все – и гестапо, и НКВД. Он пытается легализоваться как можно надежнее, «ложится на дно», рассчитывая начать совершенно новую бюргерскую жизнь. Тайно от всех знакомых уезжает в Мемель и там женится на литовской женщине Вейге Мариникайте.

Тем временем начинается Вторая мировая война, и Луня как гражданина Германии призывают в вермахт. Ему повезло, в силу возраста его направляют в военную школу поваров. Однажды на варшавском вокзале Луня узнал его бывший агент, который сообщил ему сведения крайней государственной важности: точное время нападения Гитлера на СССР. Лунь пребывает в мучительных раздумьях: с одной стороны, он вышел из игры и теперь никто из его бывших коллег не поверит информации невозвращенца, какой бы ценной она ни казалась; с другой стороны, он никогда не изменял Родине, и его офицерский долг повелевает передать полученные сведения в Разведупр. 18 июня 1941 года Лунь переплывает Западный Буг в районе Бреста и под видом немецкого перебежчика передает дату начала войны. Ему не верят, как не верили и многим другим перебежчикам, которые переходили в СССР почти по всей линии государственной границы. Всех их считали провокаторами.

Волею судьбы 22 июня 1941 года «немецкий фельдфебель» встретил в камере погранкомендатуры, которая размещалась в Брестской крепости. В аду первых дней обороны Лунь оказался в рядах соотечественников, которым уже нет дела до того, кто он и откуда. Есть боец и есть винтовка... В казематах цитадели военный случай сводит его с фотокорреспондентом окружной газеты «Красноармейская правда» младшим политруком Сергеем Лобовым. Им посчастливилось вырваться из огненной западни. После прорыва они ушли в леса, где набрели на других окруженцев. Лунь сколотил разведывательно-диверсионную группу, которую назвал «Кобра». Группа действует по своему плану, по сути дела, это никому не подчиненный партизанский отряд. Но действует успешно, благодаря тому, что Лунь великолепно знает язык, порядки и обычаи вермахта. Он носит форму немецкого офицера, захваченного в машине на лесной дороге – майора Вальтера Вебера. Документы этого убитого офицера сыграют потом в его жизни судьбоносную роль. А пока группа «Кобра», перебравшись в Минск, сумела организовать крушение немецкого воинского эшелона. Во время этого акта Лунь получил перелом

позвоночника и был отправлен как майор Вебер в главный военный клинический госпиталь Берлина...

Лунь – род хищных птиц из семейства соколиных, стройные птицы средней величины.

Из энциклопедии

Бел, как лунь, на лбу морщины,
С испытанным лицом,
Много видел он кручины
На веку своем.

Иван Никитин

Воинское дело есть трудное, скорбное и трагическое. Но необходимое и служащее благой цели. Средства его жесткие и несправедливые. Но именно поэтому дух, которому вручают эти средства, должен быть крепок и непоколебим.

Иван Ильин, русский философ

Часть первая

Глава первая Воскрешение майора Вебера

В один из пасмурных декабрьских дней 1941 года майор Вебер был вызван на военно-врачебную комиссию в главном военном клиническом госпитале в Берлине. Мнение эскулапов в белых халатах поверх серых, как этот декабрьский день, было единым: с таким повреждением позвоночника офицер негоден даже для службы вне строя и подлежит увольнению из вермахта с почетным званием «военный инвалид». Лунь не знал, печалиться ему в этой ситуации или радоваться. С одной стороны, ему предоставлялась возможность надежно уйти в тень подальше от ока всевозможных армейских начальников; с другой стороны – как жить дальше инвалидом в чужой и враждебной стране?

– Вы берлинец? – спросил председатель ВВК с погонами оберст-артца¹, листая его медицинское дело.

– Да.

– И, кажется, женаты? Мне сказали, что вас никто не навещал. Разве ваша жена не живет в Берлине?

Это был неожиданный удар под самый дых. Лунь никак не ожидал подобного вопроса от сухого профессорского вида чиновника. Промолчав несколько секунд, будто не решаясь сказать правду, он нехотя сообщил:

– Она живет в Берлине. Но мы на грани развода. Кому нужен муж-инвалид?

– Да-да... – сочувственно глянул на него поверх очков глава комиссии. – Женщины сегодня так меркантильны... У вас есть гражданская профессия?

– Пожалуй, что нет.

– Ну, кроме военного дела вы что-то умеете?

– Могу быть переводчиком... Могу быть охранником... Могу быть фотографом.

– О! – ухватился главный врач госпиталя за последнее умение. – Фотограф! У меня нет лаборанта в рентген-кабинете. Вы же умеете пленки проявлять?

– Умею.

– Пойдете в лаборанты? Оклад небольшой. Но вместе с пансионом – уже что-то. К тому же всегда будете под наблюдением врачей.

Лунь благодарно кивнул. В его положении это был спасительный шанс – соломинка для утопающего во мраке нового бытия, и даже больше, чем соломинка.

– Спасибо, господин доктор, я буду стараться!

Повеселел и главврач:

– Можете жить при госпитале. В помещении для обслуживающего персонала для вас найдется койка. И питание – общегоспитальное.

Койка – нижняя, слава богу! – нашлась для новоиспеченного лаборанта в комнате-четырехместке, где жили на верхнем ярусе два санитары из морга, а внизу – помощник повара. Все трое были не пригодны к военной службе по разным причинам. Все трое не обрадовались новому жильцу-соседу, как не расположился к ним и Лунь: угрюмые, малообразованные типы, весьма неприятные в общении. Особенно раздражал его помощник повара – 40-летний эпилептик по кличке Бремзе². Иногда он пытался острить и говорил про себя: «Я не Тормоз, я

---

¹ Полковник медслужбы.

² Тормоз.

Медленный газ». Медленный газ всегда запаздывал с ответом на любое к нему обращение. От этого казалось, что он преисполнен к собеседнику тихого, ничем не объяснимого презрения. К тому же он донимал своих сожителей мерзким визгливым храпом. Не помогали ни ватные затычки, которые Лунь засовывал в уши, ни вторая подушка, которой он накрывал голову. По счастью, своих соседей Лунь видел только по утрам да поздно вечером, когда возвращался с работы.

Работа тоже была унылой и скучной, как и его соседи по комнате. Дни напролет он просиживал в лабораторной темени, проявляя рентгеновские снимки с перебитыми костями и раневыми каналами, выявляя тем самым следы советских пуль и осколков. Лунь не без иронии называл их про себя – «приветы с Родины». Его начальница – пожилая сухопарая врач-рентгенолог Эльза Анке – всегда торопила его со снимками, и с ее остроного лица не сходила гримаса вечного недовольства.

Кормили в госпитальной столовой более чем скудно: пустые слизистые супы из овсянки, водянистые пюре с каплей рапсового масла да иногда отварная рыба неведомой свежести.

Через неделю такой жизни Лунь готов был выть от тоски. Правда, благодаря госпиталю Лунь обзавелся кое-каким имуществом. Сестра-кастелянша выдала ему две смены белья, полотенце и три куса мыла. В качестве зимней одежды его снабдили старой офицерской шинелью и такой же потрепанной фуражкой без кокарды. Шинель была как нельзя кстати. И Лунь пару раз совершал в ней вылазки в город. С первого же пенсионера он приобрел небольшой фибровый чемоданчик зеленого цвета и хорошую резную трость взамен той палки с резиновым наконечником, которую ему выдала в госпитале все та же сердобольная сестра-кастелянша. Трость была вырезана из канадского клена и украшена медным набалдашником в виде орлиной лапы, сжимающей бронзовое яйцо. Заканчивалась она кабаньим копытцем из позеленевшей меди. Вещь была очень удобной, и Лунь с удовольствием бродил с ней по улицам предместья. Довольно увесистая, трость могла при случае послужить и дубинкой. Санитары-соседи долго обсуждали необычную покупку, отпуская при этом идиотские шуточки.

Большим благом было то, что Лунь мог подлечивать свою спину прямо здесь же – на работе. Напротив рентген-кабинета была массажная комната, и ему, по разрешению главврача, почти ежедневно делали массаж спины и даже подводное вытяжение. Так что к Рождеству он почувствовал себя намного лучше, чем при выписке. Тем не менее душа рвалась на свободу, и каменные своды старинного монастырского лазарета давили все сильнее и сильнее.

Выходных в госпитале не было, но однажды Лунь отпросился у своей начальницы на полдня в город. Госпиталь был обесточен после мощной английской бомбежки и рентген-кабинет бездействовал. Фрау Анке нехотя отпустила своего лаборанта до утра.

За эти неполные сутки Лунь попытался изменить свою убогую жизнь. Он облачился в мундир, надел шинель, нахлобучил великоватую фуражку, взял трость и вышел на улицу, невзирая на мерзкий зимний дождь. Известно, что одни под дождем мокнут, а другие прогуливаются. Все дело в выборе. Но Лунь выбрал нечто иное: он шел в дождь перекраивать свою судьбу. Он решился... Решился на то, чтобы нанести визит вдове майора Вебера, женщине, которую сделал вдовой – к неведомой ему Марии Вебер. Там, в тишине и темноте рентген-лаборатории, он хорошо продумал свою новую легенду и все свои дальнейшие шаги. Поскольку в Берлине у него не было ни одной знакомой души, да и во всей Германии после Вейги тоже не было ни родных, ни друзей – он и направлял свои стопы на Химмельгассе, 9, где когда-то жил принесший ему боевую удачу мундир майор Вебера.

Небольшая вилла с двухоконной мансардочкой с трудом просматривалась сквозь стволы и ветви облетевшего сада. Лунь решительно нажал на кнопку звонка, но звонок, по всей вероятности, не работал – электричество после ночной бомбежки, отключили и здесь. Тогда он отыскал глазами механический звонок и повернул бронзовый ключ. Дверь с застекленным верхом приоткрылась и на полукруглом крыльце возникла женская фигура с наброшенным на плечи

дождевиком. Хозяйка настороженно вглядывалась в пришельца и, распознав в нем военного, быстро пропорхнула по бетонной дорожке и открыла калитку.

– Фрау Вебер? – уточнил Лунь.

– Да, я, – ответила женщина, не сводя с него испытующе-тревожных глаз. Глаза были серо-голубыми и очень большими, возможно, из-за увеличительных стекол круглых очков, которые ничуть не портили ее миловидного лица, обрамленного каштановыми буклями.

– Я служил вместе с вашим мужем.

– Вы пришли сказать, что его больше нет?! – почти вскрикнула женщина. – Но я это знаю! Я поняла это еще до того, как пришло официальное извещение!

– Я пришел, чтобы передать его вещи и рассказать о его последнем дне.

– Проходите, проходите, пожалуйста! – заспешила хозяйка дома.

Лунь поставил трость в корзину для зонтов, снял шинель и фуражку.

– Я боюсь наследить... Этот мерзкий дождь.

– Ничего страшного. Это всего лишь вода... Вы, наверное, голодны?! Я только что приготовила любимое блюдо Вальтера. Как будто знала, что вы сейчас придете. Все женщины, они как кошки, знают все наперед, – тараторила Мария, стараясь скрыть свое замешательство. – А вот как раз и кошка! Знакомьтесь – Мице.

В прихожую, крадучись, вошло черное гибкое кошачье существо. Не кошка, а именно существо: оно посмотрело Луню в глаза и сразу же понял, *кто* пришел в их дом. Маленькая черная колдунья с огромными зеленовато-желтыми фарами-глазами мгновенно просканировала гостя, и Лунь сразу же признал в ней коллегу – разведчицу. По счастью, всю считанную информацию кошка затаила в себе и, пройдясь боком по ногам хозяйки, быстро исчезла под лестницей. Деревянная резная лестница вела на мансарду. Мария проводила гостя в столовую и принесла с кухни фаянсовую супницу, под крышкой которой оказалась восхитительного вида и аромата капуста, тушенная с морковью, шпинатом и черносливом.

– Вальтер обожал мою капусту и называл ее «Королевой Фронау».

– Да, он часто вспоминал о вашей капусте и говорил, что никто в Берлине не умеет ее так готовить, как вы.

– Как он погиб? Вы знаете? Вы видели? – горестно вопрошала Мария.

Лунь был готов к этим вопросам. Он опустил голову.

– Мы попали в засаду недалеко от Кобрина... Это случилось на вторую неделю войны. Нашу машину обстреляли в лесу русские. Шофер был убит сразу. Мы с Вальтером и еще одним офицером укрылись в придорожных кустах. Потом мы попытались уйти в лес подальше от дороги. Они нас заметили, но не стали преследовать. Пустили вслед несколько автоматных очередей. Одна из пуль попала Вальтеру в голову. Я остался с ним, чтобы его прикрыть. Я думал, что он ранен. Наш третий товарищ убежал далеко вперед. Я его потом так и не нашел. Видимо, он сообщил, что мы оба пропали без вести.

– Он умер сразу? Он не мучился?

– Практически сразу. Не мучился... У нас была с ним договоренность: если убьют меня, то он поможет моей жене. Если убьют его – то я не оставлю его вдову без помощи. Но получилось так, что моя жена погибла еще раньше, чем Вальтер. В первый же день войны на Восточном фронте. После бомбардировки Мемеля...

Здесь Лунь был очень искренен. В его голосе зазвучали неподдельные нотки скрытого плача. Он подавил их усилием воли.

– Я вам сочувствую, – тихо вздохнула Мария. – Я знаю, что такое терять любимого человека.

– Я должен передать вам письмо, которое он хранил на своей груди и его часы.

Мария рассеянно пробежала глазами по строчкам уже изрядно потертого письма и сняла затуманившиеся очки.

– Я писала это письмо за этим самым столом... – она убежала в комнаты, но вскоре вернулась. – Простите меня! Я чуть не оставила вас без ужина. У меня есть наше любимое с ним вино. Оно не дождалось его возвращения. Вы не будете против?

– Разумеется, нет! Помянем Вальтера. Валгалла приняла его душу...

Тушеная капуста была и в самом деле сказочно вкусна. Вейга тоже готовила нечто подобное, только добавляла туда копченую свинину с тмином.

– Вы знаете, мы ведь были с Вальтером однофамильцами. Я тоже – Вебер. Нас часто путали и спрашивали, не братья ли мы? И я всегда говорил, в шутку, конечно, что Вальтер мой кузен. Ну, и он тоже разыгрывал любопытствующих.

Лунь весь вечер рассказывал подробности из их военной жизни, пока Мария не предложила ему остаться на ночлег.

– Я постелю вам в кабинете Вальтера. А завтра утром напою вас кофе. Я уйду на работу к девяти. А вам на службу когда?

– Я уже не служу. Работаю в госпитале. Но очень бы хотел найти что-нибудь получше.

– Я поспрашиваю у своих коллег. Может быть, найдется что-нибудь подходящее.

Они поднялись по скрипучей лестнице. Кабинет Вальтера находился на мансарде. Весь в книжных полках, с массивным письменным столом он походил на келью ученого мужа, нежели на обиталище строевого офицера. На видном месте стояло старинное – середины, должно быть, прошлого века – фортепиано берлинской фирмы «Frautwein», отделанное красным деревом и ореховым капом. Расстроенные пожелтевшие клавиши из слоновой кости покрыты пылью и сигарным пеплом...

– Вальтер очень ценил этот инструмент, – зажгла свечи в откидных подсвечниках Мария. – У него рояльное звучание... Но война добралось и до него. После того, как неподалеку упала бомба, струны от встряски ослабли...

В глаза бросился большой портрет хозяина кабинета, почему-то в средневековом одеянии. Но, взглядевшись, Лунь понял, что это вовсе не Вальтер Вебер, а разительно похожий на него портрет некоего Иеронима Гольцшюера работы великого нюрнбержца Дюрера.

– Правда, они очень похожи? – улыбнулась Мария, заметив удивление гостя.

– Очень! Как одно лицо! – подтвердил Лунь.

– Вальтер потому и повесил эту репродукцию. Он всех разыгрывал, говорил, что это он сам за четыреста лет до своего рождения.

– Вполне возможно, что это его предок.

– Чего только ни бывает в этом мире... – согласилась Мария, застелив диванчик в углу кабинета. Над диванчиком висела еще одна картина, которая поразила Луня не меньшей первой. Это был «Остров мертвых»! Копия, конечно, но ведь именно такая висела и в его кенигсбергском кабинете.

– Ну, а этой картиной он сам себе судьбу напроорочил, – горестно вздохнула Мария, взбивая подушку. – Я ему говорила – не надо вешать этот страх здесь. Но ему очень нравился Бёклин. И он оставил. Я теперь тут ничего не трогаю. Пусть все будет, как при нем. Мне все время кажется, что он еще вернется... Если будет холодно, накройтесь вот этой перинкой. Я ее в кресле оставляю.

Пожелав спокойной ночи, Мария ушла в соседнюю спальню. Лунь долго еще рассматривал корешки книг на полках, пытаясь проникнуть во внутренний мир убитого им человека. В основном это была классика германской литературы – Шиллер, Гете, Гауптман, Гауф... Стоял тут и томик запрещенного ныне в Германии Ремарка, и томик сказок братьев Гримм. Целая полка была посвящена работам Клаузевица и Мольтке. Энциклопедия «Британика», великолепно изданный Брем... Читать все это Вальтеру Веберу не перечитать, но понесла его нелегкая в белорусские леса! Лунь укоризненно покачал головой двойнику Вебера на портрете Дюрера и повесил мундир на спинку стула. «Как странно: мундир вернулся домой, а хозяин – нет...

А может, в полночь явится и призрак хозяина?». Эта мысль не покидала Луня под настырное тиканье напольных часов. А уж когда они медленно и медно пробили двенадцать раз, тут ему и вовсе не по себе стало. Он пожалел, что остался на ночлег здесь, а не ушел ночевать в госпитальную казарму под храп припадочного Бремзе. Вдруг протяжно и звучно заскрипела дверь. Лунь дернулся и сел на своем ложе, тревожно вглядываясь в темень. Но это была кошка. Она вошла в кабинет и навела на Луня свои горящие желтым огнем фары. Она давно уже в отличие от хозяйки поняла, кто пришел в их дом. Лунь повел с ней немой разговор: «Да, я убил твоего хозяина! Я убил своего врага. И по древнему библейскому праву возьму и дом его, и жену его, и осла его. И тебя кошка тоже возьму!» Мице, кажется, все поняла, и ушла к хозяйке. А Лунь перевернулся на правый бок, подоткнул под ноющую спину перинку и уснул, не задумываясь больше о превратностях жизни.

* * *

Утро – серенькое зимнее утро – все вернуло в свое унылое русло. Надо поторапливаться в госпиталь. Лунь быстро оделся и спустился к завтраку. Мария подала кусочки тушеного вымени с отварным картофелем.

– Нормальное мясо сейчас не достанешь, – прокомментировала она свое блюдо. – Приходится довольствоваться субпродуктами. Даже ливер или печень купить – не так-то просто. Раньше бы и глядеть не стала на вымя или почки. А теперь – за милую душу!

– Да, блицкриг несколько затянулся, – осторожно заметил Лунь и тут же переключился на безопасную тему. – Когда-нибудь я приготовлю вам свои фирменные фрикадельки. У меня ведь еще и диплом повара.

– О, да вам цены нет! – улыбнулась Мария. – Мужчина, который умеет готовить, большая редкость. Может быть, вам подыскать место повара?

– Пока что мне нужна сидячая работа. Мне нельзя поднимать тяжести и работать согнувшись.

– Хорошо. Я позвоню сегодня одной своей близкой подруге! Возможно, она что-то придумает.

На том и расстались. Лунь получил номер телефона и приглашение бывать у фрау Вебер в любой удобный для него вечер. Ну, что же, для начала новой жизни это было вовсе неплохо, хотя и рискованно. Жизнь, как всегда, заставляла его идти по лезвию ножа...

В госпитале он переоделся в белый халат и замуровал себя в каменной камерке рентген-лаборатории. Электричество за ночь наладили, и теперь доктор Анке завалила его срочной работой.

Через два дня Лунь позвонил Марии и пригласил ее в кирху. Фрау Вебер охотно согласилась, и они встретились у портала местной кирхи Святого Марка, воздвигнутой еще в середине прошлого века из темного, почти черного кирпича, за что и получила название Шварц Марк. Некоторые остряки называли ее «Шварцмаркт» – «черный рынок». Возле кирхи и в самом деле был небольшой вещевой рынок, на котором Лунь присмотрел недорогую пиджачную пару и теперь ждал очередной пенсией, чтобы пополнить свой скудный гардероб. Правда, костюм он этот так и не купил, поскольку после визита в кирху Мария, заметив, что он не вылезает из своего поношенного мундира, предложила ему выбрать любой костюм мужа. И Лунь с благодарностью воспользовался ее предложением. А пока они прослушали всю мессу и зажгли свечи в память о погибшем муже и фронтовом «друге». Лунь вполне вошел в роль и уже почти верил, что он и в самом деле потерял в кобринском лесу своего боевого товарища.

За ужином – селедкой под шубой – Мария сообщила ему хорошую новость. Подруга ее коллеги владеет небольшим отелем и может предложить место портье с проживанием в служебном номере да еще с бесплатным питанием в буфете отеля. Оклад был примерно тот же,

что и у лаборанта в рентген-лаборатории, но зато не надо было дышать в темноте растворами химикатов. Лунь с радостью согласился и уже через день предстал перед очами хозяйки отеля – дамы неопределенного возраста с хорошо прохимиченными, почти белыми волосами. Ее звали Кристина, и она хорошо управляла небольшим – в сорок номеров отелем, пока муж воевала в армии Роммеля на севере Африки. Вот тут как нельзя лучше пригодился серый в клетку костюм, которым его оделила Мария. Вместе с необычной тростью Лунь выглядел вполне импозантно. Хозяйке он понравился настолько, что она выдала ему даже небольшой аванс. Работа была сутки через сутки, что вполне устраивало нового портье. Обязанности более чем простые – вести журнал регистрации, выдавать и принимать ключи от номеров, а заодно следить, чтобы в фойе не попадали посторонние лица.

Новое жилье ему тоже понравилось несмотря на невеликие размеры. Каморка, но зато его собственная и никто не будет храпеть над ухом! Небольшое окно выходило в сад с фонтаном в виде трех обнявшихся гномов. В двух шагах от двери была душевая и туалет, а чуть подальше – винтовая лестница, ведущая в буфет, где Лунь с удовольствием пообедал супом-пюре из цукини и великолепным, почти мемельским клопсом.

Помимо него здесь работали две горничные, буфетчица и повар. Все жили неподалеку, во Фронау. Сменщик Луны – седоусый баварец Карл – оказался человеком вполне приятным и добропорядочным. В общем, все складывалось как нельзя лучше. Спасибо Марии – у нее была легкая рука, но, увы, тяжелая жизнь. За два последних года она потеряла 10-летнего сына, утонувшего в Шпрее, маму, которую похоронила год назад во Фридлянде, и вот теперь мужа. Тем не менее она не выглядела сломленной и стойко принимала все удары судьбы. Во Фридлянде у нее жил отец, владелец местной водяной мельницы, и она собиралась к нему в летний отпуск. Сама она работала детским окулистом в частной клинике. И на работе и дома разводила комнатные лимоны, выращивала орхидеи. С каждым новым визитом ее характер – мягкий, но стойкий – нравился Луню все больше и больше. Он стал почти завсегдатаем в ее доме, приходил с цветами и порой с бутылочкой легкого вина, которым его снабжала буфетчица Марта, положившая глаз на одинокого мужчину, даром что с перебитым хребтом.

Свободные дни Лунь проводил большей частью в саду Марии, готовя яблони и груши к весеннему сезону. Весна в том году пришла рано – в первой декаде марта уже можно было ходить без пальто. Лунь обрезал сухие ветки, рыхлил приствольные круги – в меру, какую позволяла спина, белил комли.

А когда приходила с работы Мария, они вместе готовили нехитрый ужин. Ей очень нравились белорусские драники, которые Лунь пек воистину мастерски – со шкварками и тмином. Зато Марии удавался гороховый суп с копчеными свиными ушами. Они вместе ходили в кирху и на продовольственный рынок, выискивая то, что давно исчезло из магазинов, но все еще можно было выторговать у бренденбургских бауэров, привозивших во Фронау плоды своих крестьянских трудов.

В тот вечер Лунь остался после ужина у Марии. Она вязала свитер, а он рассказывал, подбрасывая полешки в камин, истории из своей фронтовой жизни времен Первой мировой, зеркально перевернутые. Про то, как командовал самокатным взводом под Сморгонью. Как 810 дней и ночей переходил городок из рук в руки – то русские, то немецкие. Мария в свою очередь вспоминала свое детство на отцовской мельнице. Эти идиллические картинки помогали ей выживать в обрушившихся на нее бедах, и Лунь терпеливо выслушивал ее. Потом они, как всегда, разошлись по своим комнатам. А в два часа ночи завывли сирены, предупреждая берлинцев о налете британской авиации. Мария в накинутах наспех халатике повела его в винный погребок, приспособленный под бомбоубежище: там стояла железная кушетка, накрытая пледом, лампа «летучая мышь» и бак с питьевой водой. По пути Мария прихватила и кошку. Там втроем они и вслушивались во взрывы, далекие и близкие. От одного особого мощного удара погасла лампа и со сводов посыпалась бетонная крошка. Мария испуганно бросилась ему

на шею, Лунь обнял ее покрепче и стал гладить по распущенным волосам. От них шел чудный запах кипарисового масла, и он зарывал в ее густые пряди лицо, забыв о том, что происходит в берлинском небе. И она тоже забыла о всех смертях и потерях под тяжестью изголодавшегося мужского тела. И приняла в себя его ярую плоть. Она по-девичьи ойкала, поражаясь напору его страсти. А Мице смотрела на них во все свои всепонимающие глазищи...

С той ночи Лунь окончательно переселился на Химмельгассе, 9. Он взял жену своего врага, и дом его, и скот его по древнему праву победителя. Он обрел свой очаг и начал новую жизнь во враждебной ему стране.

Чтобы не забыть о том, что он все же русский человек, чтобы не раствориться в своих многочисленных легендах, он завел в глухих извилинах мозга потайной уголок, где хранились особо важные и ценные воспоминания «Когда я был русским»: первое причастие, принятие присяги. Производство в офицеры. Первый поцелуй. Первая женщина...

Читал стихи Павла Васильева, чей томик «Соляной бунт» случайно обнаружил в кипе книг и брошюр, принесенных кем-то в его кенигсбергскую лавку. Он был потрясен поэтикой васильевского языка, чистым русским слогом, мощью его экспрессии. Такие рождаются раз в сто лет в самых глубинных недрах России. И такие, конечно же, долго не выживают – Павел Васильев был расстрелян очередным Дантесом из НКВД в 1938 году. Ему было всего 27 лет...

Лунь даже пытался перевести на немецкий язык стихи Васильева и ершовского «Конька-горбунка», пока не понял, что его народный сказ, сибирский колорит непередадим в должной мере ни на какой язык.

Для всех остальных, для соседей и коллег Марии все было просто и понятно: вернулся с фронта друг ее Вальтера и теперь стал гражданским мужем вдовы. Почти счастливая житейская история. Она бы вполне устраивала и Луня, если бы не каждодневный страх, что однажды Мария наткнется на его документы и будет несказанно поражена, что ее новый избранник не только однофамилец ее мужа, но и полный его тезка, и даже родился в тот же день, в тот же месяц и в тот же год, что и Вальтер. И тогда – провал! И тут уж не спасут никакие, даже самые хитроумные, легенды. Это был тот меч, которые всегда висел над его головой – с первых лет работы «нелегала» и к которому, честно говоря, он успел привыкнуть, но не на столько, чтобы забыть про него, и не обливаться холодным потом при каждом внезапном стуке в дверь.

Так прошел весь счастливый март и почти весь апрель 1942 года...

Глава вторая

Операция «Ланцуг»

В день рождения фюрера – 20 апреля – Лунь вывешивал флаги перед парадным входом в отель. Он чуть не свалился со стремянки, когда кто-то из прохожих окликнул его по старому, кенигсбергскому еще, имени:

– Привет, Уго!

Лунь едва удержался на верхней ступеньке: снизу улыбался Казик, брат Вейги! Свояк неплохо выглядел в сером летнем костюме и хорошо завязанном черном галстуке.

Обнялись, и первым делом Лунь попросил не называть его прежним именем. Казик сделал понимающее лицо, хотя, конечно же, ничего не понял.

– Идем ко мне, я тебе все объясню, и заодно отметим встречу! – увлек его Лунь в отель, в свою комнатенку с тыльной стороны бара.

Разлил по рюмкам кальвадос и нарезал сыр.

– Давай помянем сначала Вейгу! Да будет ей небесная жизнь!

Оба встали и осушили свои рюмки. Помолчали.

– Не уберег я твою сестру, прости...

– От войны нет оберега, – вздохнул Казимир. – Судьба мудра и беспощадна... Вейга говорила, что ты не любишь Гитлера, а ты развешиваешь ему флаги.

– Что поделаться... Работа такая. Надо ж как-то деньги зарабатывать.

– Деньги можно зарабатывать, и не работая на Гитлера, – усмехнулся Казик.

– Научи, как!

– Научу. Ты лучше расскажи, как ты оказался в Берлине и почему сменил имя?

– Я дезертировал из вермахта. Пришлось сменить имя и фамилию, жить там, где меня никто не знает.

– Это серьезный поступок. Но я могу предложить тебе нечто более серьезное...

После третьей рюмки, Казик, справился насчет подслушивающей аппаратуры.

– Кому нужно подслушивать какого-то портье?

– Тогда слушай... Есть такая подпольная организация «Ланцуг» – «Цепочка». Она переправляет в Англию сбитых над Германией британских летчиков.

– Ты хочешь предложить это мне?

– А почему нет? За каждого спасенного летчика Черчилль выплачивает приличную сумму.

– А что платит Гитлер?

– Гитлер платит пулю в затылок. Но ведь ты же не трус?! Сколько я тебя знаю, на труса ты не похож!

– Спасибо за лестное мнение! Но только я сам сбитый летчик. И мне самому нужно убежище.

– Если хочешь, я переправлю тебя в Англию.

– Я бы этого не хотел, если бы надо мной не висел дамоклов меч. Ты сам знаешь, что полагается дезертиру в военное время.

– Догадываюсь... Человек, который не хочет воевать за Гитлера – наш человек. Подумай как следует, надо ли тебе это. В переброске тоже есть риск. И немалый... Но на войне, как на войне!

– Где ты остановился? Переночевать есть где?

– У приятеля. Все в порядке. Давай завтра здесь же и в это время. Если надумаешь, я скажу тебе что и как. Честь!

– Честь!

Он проводил Казика до остановки автобуса. В мозгу уже прокручивались варианты новых действий. Попасть в Англию было бы немислимым счастьем, и Казика прислал не иначе как ангел-хранитель. Там, в Лондоне, это была бы совершенно иная жизнь – без мыслей о провале, аресте, суда, казни... Жизнь, пусть не у себя в России, но в союзном ей государстве. Лунь даже не стал расписывать себе, какая это могла бы быть сказочная жизнь в том же Лондоне или Манчестере или каком-нибудь там Плимуте. А еще лучше – поселиться в Шотландии... Но! Для начала надо добраться до британских берегов. Интересно, насколько это реально? Как это мыслят себе Казик и его друзья? Наверное, как-то мыслят, если у них уже есть цепочка и они реально переправляют по ней сбитых летчиков.

На следующий день он снова принимал Казика в своей служебной каморке.

– Я готов отправиться в Англию, – без обиняков ответил Лунь на вопросительный взгляд шурина.

Казик почему-то очень обрадовался его решению.

– Значит, так! Доберешься до Парижа, а там пойдешь по адресу, который я тебе сейчас дам. Это мой товарищ по полку. Мы с ним воевали под Торунем. Дальше будешь действовать по его указаниям. Я напишу ему записку.

Казик набросал на листке из блокнота несколько строк: «Яцек, прими моего шурина и помоги ему, как мне. Он сам тебе скажет. Казик».

– Адрес не записывай. Запомни так: Париж, Рю Данюб, дом шесть и квартира тоже шесть. Ну, давай, успеха тебе, друже! После войны заезжай в гости. Я живу там же, в Седельце, где ты был.

– Как мама?

– Мамы больше нет. Как узнала про Вейгу, так и не пережила...

– Прости! Давай их помянем...

* * *

Утром Лунь надел свой майорский мундир и сообщил хозяйке отеля, что его снова призывают на службу. Он получил расчет за последние три недели. Этого с избытком хватало и на билет до Парижа, и на первые дорожные расходы.

Мария очень расстроилась, узнав о предстоящей разлуке. Она даже слегка всплакнула, но потом взяла себя в руки и приготовила прощальный обед: луковый суп, тушеная капуста со шпиком и компот из ревеня.

– Не переживай, я еду не на Восточный фронт, а во Францию, – утешал ее Лунь. – Возможно, какое-то время долго не будет писем. Но это бывает, когда начинаешь службу в новых краях.

Она проводила его до вагона. И даже пыталась сама нести его чемодан, чтобы не перегружать позвоночник. Но чемодан был нетяжел: белье, гражданский костюм да мужской несессер.

Вагоны оказались старыми – постройки двадцатых годов с кругловатыми каретными боками. Сиденья деревянные. Лунь с грустью вспомнил российские вагоны, в которых можно было вытянуться на спальных полках. Здесь же предстояло сидеть всю ночь, и он всерьез опасался за свою перебитую спину – наверняка потом будет ныть.

Пассажиров было много – в основном военный люд, слегка разбавленный какими-то коммерсантами, смутными личностями, редкими женщинами в неброских дорожных нарядах. Лунь пристроился в углу и после проверки билетов и документов попытался уснуть. Вагон был вторым от паровоза, и едкий угольный дым проникал сквозь щели в окнах так, что порой становилось трудно дышать. Рядом залиvisto храпел какой-то тип в мятом макинтоше. Нечего было и думать, чтобы забыться хотя бы на часок.

Поезда теперь чаще ходили ночью, чем днем, избегая ударов с воздуха. До границы с Францией пути были чиненные-перечиненные после британских бомбежек, поэтому трясло и швырял нещадно, и только после Форбаха стало потише, но отдохнуть так и не удалось.

В Париж на Восточный вокзал поезд прибыл поздним утром. Невыспавшийся, с невыносимо ноющей спиной Лунь с трудом выбрался из вагона и вышел на привокзальную площадь. Надо было где-то переодеться в гражданскую одежду. Лунь решил снять номер дешевой гостиницы, отдохнуть с дороги, сделать массаж спины, а потом уже разыскивать Яцека на его Рю Данюб. К тому же хотелось хоть немного посмотреть легендарный город.

– Такси, месье?

Парень в клетчатом пиджаке обвел рукой стоянку, где поджидали клиентов кучеры фаэтонов, водители жутковатого вида авто, с баллонами на крышах и газогенераторными коробами вместо багажников, а также велорикши. Весь бензин Парижа шел на нужды вермахта, так что для горожан оставались лишь «лошадиные силы», машины на дровяном топливе да педали велосипедов. Лунь выбрал велорикшу как самый дешевый вид транспорта. Его ровесник – в красном вязаном жилете и таком же берете с помпоном – охотно распахнул дверцу двухместной повозки, сделанной из дубовой фанеры и алюминиевых уголков.

Лунь достал немецко-французский разговорник и попросил отвезти его в ближайшую не очень дорогую гостиницу.

Развернув план Парижа, рикша показал седоку улицу, на которую он предлагает его отвезти:

– Отель «Титания»!

Лунь кивнул: поехали!

И они покатали с неплохой скоростью. Забыв про боль в спине, Лунь жадно вглядывался в парижские улицы. Так вот он какой, этот воспетый поэтами, романистами, художниками всех времен и народов город! После серо-сумрачного Берлина, к тому же изрядно тронутого бомбардировками, Париж являл вид почти безмятежного мирного города. Мадмуазели с цветными косынками на шее и новомодных темных очках в белых оправках притягивали взгляд то там, то тут. По тротуарам сновали хорошо одетые месье. Сияли ничем не прикрытые витрины магазинов, и за тротуарными столиками любители кофе с круассанами читали газеты или вели неспешные разговоры. Лишь кое-где по фасадам бросались в глаза красные флаги нацистов с черными свастиками да время от времени мелькали в толпе серо-зеленые мундиры оккупантов, которые тоже наслаждались мирной жизнью глубокого тыла.

Рикша остановился у парадного входа отеля «Титания» – шестиэтажного здания с мансардными окнами под крутоверхой крышей. Ободранные двери и давно некрашенные стены говорили о том, что в этом убогом пристанище с гостей особых денег не дерут. Пожилой портье – коллега как никак – вымученно улыбнулся и осведомился на плохом немецком, в каком номере и на какой срок желает поселиться господин офицер.

– До завтра! – поморщился Лунь от острого приступа боли в спине. – И пригласите ко мне массажиста.

– Может быть, массажистку? – с двусмысленной улыбочкой предложил портье.

– Без разницы! – отмахнулся Лунь.

Тесная одноместная кабинка лифта, куда он едва втиснулся со своим чемоданом, доставила его на шестой этаж. Именно там были самые дешевые номера. Деньги надо было экономить – неизвестно, сколько придется проторчать в Париже, и куда еще потом придется брать билеты.

В тесном грязноватом номере с великолепным видом на вытянутые купола Се Крекёра, собора, построенного в память солдат, погибших в Первую мировую, Лунь переоделся в гражданскую одежду, но сделал это так неловко, что взвыл от острого приступа боли в растрепанной спине. Он скинул покрывало на пол и улегся на жестком. Попытался сделать «змейку», как учил его врач, но лучше не стало.

«Боже праведный, как же мне теперь искать эту улицу Данюб?! Я же и до порога не дойду!» Он кусал губы и зывал ко всем святым целителям. В глазах стояли слезы... И в этот момент в дверь постучали.

– Войдите!

Вошла миловидная русая девушка в белом передничке с кожаным саквояжиком.

– Я пришла делать массаж, месье. Вам очень плохо?

– Мамочка родная! – простонал Лунь по-русски, корчась от боли.

– Вы русский? – на русском же языке спросила девушка.

– Да, родился в России... – прохрипел он, понимая, что имеет дело с русской эмигранткой.

– Я тоже родилась в России, – обрадовалась массажистка. – В Севастополе. Сейчас я вам помогу. Потерпите немного!

Она извлекла из саквояжа шприц-тюбик и воткнула иглу пониже поясницы. Через минуту-другую боль стала стихать.

– Что вы мне вкололи?

– Это морфин. Когда я была санитаркой во французской армии, нам выдавали это средство, чтобы избавлять раненых от боли. Но с ним надо осторожнее – можно быстро подсесть на иглу.

Лунь медленно перебрался с пола на кровать, и массажистка растерла ему поясницу, мягко и плавно растянула перебитые позвонки.

– Как вас зовут?

– Дарья.

– Даша Севастопольская.

– Считайте, что так. Из Севастополя меня увезли младенцем. Города я, конечно, не помню... Но очень люблю Россию. Папа был морским офицером. Мы долгое время жили в Бизерте, а после его смерти перебрались сначала в Марсель, а потом в Париж.

– У вас есть жених?

– Есть. Он здесь в баре работает.

– Не забудьте пригласить меня на свадьбу.

– Обязательно! Этьен хоть и француз, но тоже любит Россию.

– Ну, Россию в вашем облике трудно не полюбить.

– Спасибо! – рассмеялась Даша. – Он мне тоже так говорит: «Ты – мадемуазель Россия». Не больно?

– Спасибо! Все куда-то ушло... У вас волшебные пальцы.

Лунь расплатился, не жалея рейхсмарок, расцеловал девушке обе руки, пахнущие ментолом, и, едва закрылась дверь, уснул мертвецким сном, сраженный пережитой болью, ночным недосыпом и морфином. Проспал он весь день и всю ночь. Утром долго не мог понять, где он находится и что с ним. И только выглянув в окно и увидев парижские крыши, купола Се Крекёр, поздравил себя с тем, что он в Париже.

Быстро побрившись, Лунь спустился в бар перекусить. Молодой француз с большими залысинами в чернявых волосах сварил ему кофе и подал горячий круассан. Для столь непрезентабельного отеля это был превосходный завтрак.

«Не красавец, – оценил Лунь бармена, – и животик уже намечается. И вот такому счастливцу достанется Даша, нарожает ему таких же невзрачных детей. И все они, сколько их там будет, пойдут в убыль России, в ее скрытые потери, которых и без того сегодня через край... Ну, хорошо хоть не немец!» – утешил себя Лунь и отправился на поиски Рю Данюб. После долгого изучения схемы Парижа при входе в метро он все же нашел эту улицу почти на самой окраине города. Хорошо, что она находилась недалеко от станции подземки.

Дом, где должна в очередной раз решиться его судьба, был плотно населен самым разношерстным людом, которому, по счастью, не было никакого дела до еще одного незнакомца. Большей частью здесь жили армяне, и потому во дворе слышались печальные звуки дудука. Смуглый старик играл смуглым детям родные напевы.

Яцек жил на втором этаже весьма запущенного доходного дома. Он оказался высоким худым типом неопределенного возраста с длинными волосами и рыжеватой бородкой – похожий то ли на ресторанного скрипача, то ли на бедствующего художника. На самом деле он занимался починкой бытовой электротехники и, судя по рассказам Казика, был неплохим инженером-электриком. Яцек встретил незнакомца настороженно, но записка друга сразу же изменила тон встречи. Накормив гостя макаронами с пармезаном, Яцек обрисовал ситуацию с переброской в Англию. Придется еще пару дней подождать в Париже, пока в Нант не придут сбитые летчики. Именно с ними Лунь и будет переправлен через Ла-Манш.

– Значит, мне придется ехать в Нант?

– Да, там найдешь семейство Анастасиса, грека, который держит связь с рыбаками-бретонцами. Будешь следовать его указаниям. А пока можешь пожить у меня. Места хватит. Ты тоже летчик?

- Нет, – усмехнулся Лунь. – Намного хуже... Могу помочь тебе по хозяйству. Ты женат?
– Пока нет. Приходит ко мне одна женщина. Но она замужем.
– Бывает! Порядочная девушка никогда не изменяет своему жениху до свадьбы... Шутка.

Давай картошку почищу. Драники сделаю.

- О, – расплылся в улыбке Яцек. – Драники! Любимая еда в детстве! Сто лет не пробовал.

Под драники нашлась и бутылочка «божале». И как раз к трапезе заглянула подруга Яцека – Аннета, худощавая брюнетка с не очень красивым, но очень живым лицом, на котором в одну секунду сменялось множество выражений. Она никак не ожидала увидеть у Яцека гостя, но поскольку гость был в кухонном переднике да еще вносил в комнату блюдо с поджаристыми драниками, то она радостно смирилась с его присутствием. Яцек достал третий бокал и все весело чокнулись. Общего разговора никак не получалась. Аннета, кроме французского, не знала никаких других языков. Лунь с трудом выяснил, кто она по профессии.

Аннета взяла поднос с бокалами и, грациозно покачивая бедрами, прошла по комнате.

- Официантка! Гарсон! – угадал Лунь и все засмеялись.

- Потанцуем! – предложил Яцек. – У меня есть хороший английский джаз.

Он завел патефон и поставил пластинку. Но едва раздалось первое слово английской песенки, как Аннета потемнела лицом, вскочила, схватила пластинку и хлопнула ее об пол.

– Ненавижу англичан и их музыку! – закричала она. Это Лунь понял и без перевода. Яцек сконфуженно развел руками и поставил французские мелодии. Но танцевальное настроение было сорвано.

– Брат Аннеты погиб при обстреле англичанами французской базы в Алжире, – пояснил Яцек. – И теперь она ненавидит англичан.

Лунь знал эту историю. В 1940-м, после капитуляции Франции большая часть ее флота собралась в алжирской гавани Мерс-эль-Кебир. Чтобы боевые корабли не достались при случае Германии, английский флот нанес мощный удар по стоянке французских линкоров и крейсеров. Многие корабли были выведены из строя, некоторые потоплены, при этом погибли сотни французских моряков. После этого инцидента маршал Петен на радость Гитлеру заявил, что отныне Франция находится в состоянии войны с Британией. Так бывшие союзники стали врагами.

Аннета третий год носила траур по брату-моряку. Лунь и Яцек слегка поспорили о правомерности английского нападения на французскую военно-морскую базу. Как и Аннета, Яцек считал, что британцы поступили подло по отношению к своей союзнице. Лунь лишь констатировал, что в политике не бывает моральных аспектов.

– Политики делают лишь то, что выгодно в данный момент. Есть только интересы государства. И Британия всегда выказывала, что постоянны у нее только интересы, а все друзья и союзники – постольку-поскольку.

Впрочем, углубляться в политику Лунь не стал, а деликатно оставил Яцека и Аннету вдвоем, сославшись на дела в городе.

Далеко он не пошел, а присел во дворе на скамейке поодаль от старика, игравшего детям на дудуке. Тот по-прежнему выводил свою нескончаемую песнь печали. Это был древний реквием по Великой Армении, столь созвучный ныне растерзанной Франции. А может быть, он играл отходную и по его, Луня, судьбе? Кто знает, может быть, завтра-послезавтра и он сложит свою голову на рискованном пути через Ла-Манш? Что там ждет его на тайной тропе сбитых летчиков?

Через два дня Яцек сказал ему, что пора отправляться в путь. Двое британских летчиков прибыли в небольшой нормандский городок Жарденвиль и ждут переправы на Остров. Он снабдил Луня адресом и запиской на французском языке.

– Это отдашь хозяину дома. Его зовут Гастон. Скажешь ему, что ты от Пюса. Он знает мою кличку. Пюс – по-французски «блоха».

Яцек проводил гостя до бывшей автобусной станции, где теперь поджидали седоков извозчики фаэтонов. В весьма потрепанный рыдван уселись друг против друга две пожилые француженки и Лунь с арабом-алжирцем, которому тоже зачем-то было нужно в Жарденвилль. Ехали долго и, слава богу, без полицейских проверок. И хотя документы у Луны были в порядке, все же душа была не на месте. Мало ли что взбредет в голову иному сверхбдительному ажану?

Средневековый городишко был выстроен в суровом нормандском духе без каменных украшательств, просто и четко: мэрия, храм, рынок, таверна, руины римской кордегардии... Расплатившись с извозчиком, флегматичным тучным малым в допотопном цилиндре, Лунь без особого труда отыскал нужный адрес. Очередной его спаситель жил в ветхом каменном домике под черепичной крышей и покосившимися деревянными жалюзи на окнах. На звонок в дверь вышел хмурый тощий мужчина в очках. Он молча прочитал протянутую записку, провел в дом, налил стакан красного вина и показал на лестницу, ведущую на чердак. Терпкий напиток прекрасно освежил после тряской и жаркой дороги. Гастон, видимо, принял его за британского летчика и, не зная английского языка, объяснялся большей частью жестами. Из комнаты выглянула девушка лет семнадцати, дочь Гастона, и о чем-то спросила гостя по-английски. Лунь скорее догадался, чем понял – ее интересовало его имя.

– Ник, – назвал первый попавшимся именем Лунь и поднялся по узкой деревянной лестнице. В чердачном сумраке обрисовались две фигуры – высокая и пониже. Летчики! Похоже, что они с большим интересом прислушивались к тому, что происходило внизу. Лунь поздоровался по-английски и протянул руку высокому:

– Ник!

– Дик! – представился тот в ответ.

– Майкл, – отозвался второй.

– Вы тоже летчик? – спросил Дик.

– Нет. Я из интеллежденс сервис, – ответил Лунь, надеясь, что это избавит его от нежелательных расспросов, и не ошибся.

– О! – уважительно протянули пилоты. – Садитесь, пожалуйста!

Лунь присел на какой-то ящик. Сноп пыльного света из антресольного окна выхватывал из сумрака два тюфяка, плетеный короб, на котором стояли фонарь «Летучая мышь» и недопитая бутылка вина. Лица обоих пилотов были небриты. Майкл плеснул в стакан вина и протянул его новому сотоварищу.

Лунь приподнял его, чокнулся с бутылкой и с удовольствием сделал большой глоток.

Снизу доносились нестройные звуки аккордеона. Кто-то учился играть полонез Огинского.

– Хотите есть?

Только тут Лунь ощутил, как проголодался за дальнюю дорогу.

– Спасибо, не откажусь!

Дик крикнул в чердачный люк что-то по-французски, из чего Лунь понял, что девушку, которая должна была принести еду, зовут Моника. Игра на аккордеоне оборвалась, и вскоре девушка принесла на чердак тарелку с жареной макрелью, листья салата, несколько отварных картофелин с кусочком козьего сыра. Еда показалась необыкновенно вкусной, а девушка столь же необыкновенно красивой. Летчики смотрели на него с большим интересом – ждали рассказов. Но разговор не клеился, Лунь знал слишком мало английских слов. Зато пришла сестра Моника – Лизетт, и завела с Диком, который неплохо изъяснялся по-французски, игривый разговор. А Майкл стал рассказывать Монике и Луню чисто английские анекдоты про находчивого слугу Бэрримора.

- Бэрримор! – комично подражал он голосу хозяина. – Мне срочно нужна ванна!
- Уже вылезаю, сэр!

Он рассказывал сначала для Луня по-английски, а потом Дик переводил анекдот смешливым француженкам.

- Бэрримор, что это хлопает в моих ботинках?
- Овсянка, сэр!
- А что она там делает?
- Хлопает, сэр!

Особенно долго и заливисто смеялась Моника.

- Бэрримор, какую масть лошадей вы предпочитаете?
- Видите ли, сэр, когда я сижу на серой лошади, мне хочется пересесть на вороную. А когда я еду на вороной, мне хочется пересесть на серую.
- А кто вам больше нравится: брюнетки или блондинки?
- Видите ли, сэр...

– Не надо, Бэрримор, я все понял!

Дик тоже припомнил анекдот про легендарного слугу:

- Бэрримор, любите ли вы свою жену?
- А чем же она хуже других женщин?
- Не уходите от ответа. Любите ли вы свою жену?
- Да кто же ее не любит, сэр?
- Я вас серьезно спрашиваю.
- Я вообще люблю женщин, сэр!

Моника и Лизетт были в восторге. Отец прикрикнул на них снизу: не очень-то там шумите! Дик, скорчив страшную мину, приложил один палец к губам, а другим погрозил девушкам, отчего обе прыснули и просто зашлись от смеха. Тогда наверх поднялся Гастон, он сказал дочерям что-то укоризненное и поставил на плетеный короб медный тазик, кувшин с горячей водой и бритвенный прибор. Дик пристроился перед зеркальцем, которое держала перед ним Лизетт, и осторожно коснулся бритвой заросшей щеки. Девушка же норовила пустить солнечный зайчик в глаз англичанина и радостно смеялась, когда он строил ей ужасные рожи. Со смехом пополам Дик все же соскоблил трехдневную щетину, и бритву взял Майкл. Все опять повторилось под неописуемое веселье сестер, потому что Майкл строил еще более уморительные гримасы. Лунь от бритья отказался, он благоразумно это сделал еще утром у Яцека. Тем временем Гастон притащил третий тюфяк и о чем-то долго говорил с Диком.

- Выходим завтра утром, – кратко пояснил тот суть беседы. – Надо хорошо выспаться.

Лунь с удовольствием растянулся на тюфяке – спина, перетруженная за день, давала себя знать, и он очень опасался очередного приступа боли. Летчики же безмятежно резались с сестрами в карты на поцелуи и поцелуйчики.

Наутро, наскоро выпив по чашке цикория вприкуску с козьим сыром и черствым хлебом, все вышли во дворик, где стояли приготовленные к неблизкому пути три велосипеда: два мужских и один дамский. Дамский достался Луню, и он приспособил на багажнике свой чемоданчик. На остальных, усадив сестер на рамы, поехали Дик с Майклом. Со стороны, должно быть, казалось, что кавалькада молодых людей отправилось на загородный пикник. Дорогу показывала Моника. Узенькое шоссе, обсаженное тополями, резво бежало под колеса. «Только бы не подвела спина!» – молил Фортуна Лунь. Но ноющая боль была пока терпимой.

Дорога вела на север, к морю. Вокруг расстилались плантации сахарной свеклы, спаржи, турнепса и чего-то еще неведомого Луню. Время от времени их обгоняли немецкие грузовики и редкие легковушки. Если в кузовах сидели солдаты, они радостно оживлялись при виде велосипедистов и отпускали непристойные шутки. Но в целом все было спокойно.

В полдень сделали большой привал. Моника открыла дорожную корзинку и подобно Красной Шапочке выложила на расстеленную салфетку бутерброды с уже надоевшим козым сыром, яблоки и бутылку красного вина, которую Дик нечаянно опрокинул, оставив на салфетке большое пятно.

Майкл тут же припомнил анекдот про Бэрримора:

– Однажды гость опрокинул бокал вина на белую скатерть и Бэрримор обратился к хозяйину: «Сэр, позволяют ли правила этикета назвать в этой ситуации сэра Дика неаккуратной свиньей?» Хозяин ответил: «Нет, Бэрримор, правила этикета не позволяют вам назвать сэра Дика “неаккуратной свиньей”». – «Тогда я не буду называть сэра Дика “неаккуратной свиньей”».

Сэр Дик дурашливо постучал сэра Майкла кулаком по шее и разлил остатки вина по алюминиевым стаканчикам.

– А где вы видели аккуратных свиней? – спросил Дик.

– Как где?! – воскликнула Моника. – А боши?! Самые аккуратные свиньи в мире.

Лизетт попросила Майкла рассказать еще один анекдот про Бэрримора.

– В Лондоне наводнение. Темза вышла из берегов и затапливает дома. Перепуганный Бэрримор вбегает в кабинет хозяина: «Наводнение! Вода уже поднимается на второй этаж!» Хозяин: «Стыдитесь, Бэрримор, вы же англичанин!» – «Понял, сэр!» Бэрримор выходит из кабинета и через минуту распахивает дверь, пропуская первые потоки воды: «Темза, сэр!»

– Я просто влюбилась в вашего Бэрримора! – захлопала в ладоши Лизетт.

– Ты просто влюбилась в нашего Майкла! – засмеялся Дик и тут же получил от Лизетты щелчок в лоб.

– Однако нам пора! – заметила Моника и сложила в корзинку остатки трапезы.

Через два часа они въехали в густой соснячок и свернули на лесную тропу, которая вывела их к роднику, бившему из-под большого серого камня. Здесь они сделали еще одну передышку, растянувшись на сухой хвое – многокилометровый пробег сказался даже на тренированных летчиках, тем более что им пришлось везти пассажиров. По всей вероятности, где-то неподалеку начиналась граница запретной зоны, в которую немцы включили все побережье «Атлантического вала». Ждали проводника, который должен был вывести летчиков к морю. Ждали долго, пока наконец не появился крепкий бретонец в брезентовой рыбацкой куртке и матросской шапочке. Видимо, он хорошо был знаком с Моникой и Лизеттой, поэтому без лишних слов принял у них «экскурсантов» и повел за собой по едва приметной тропе. Но прежде чем расстаться с девушками, состоялось трогательное прощание с объятиями и поцелуями. Дик оставил сестрам свой лондонский адрес и велел обязательно приехать к нему после войны. А пока война продолжалась...

Хоронясь от чужого глаза, бретонец-проводник и его провожатые быстро шли по лесной тропе. По свежему солоноватому ветру чувствовалась близость моря. А вскоре, выйдя на опушку, они услышали и его шум – шипящий рокот океанского прибоя. Совсем близкое уже море хорошо проглядывалось сквозь поредевшие стволы сосен.

Тропа ушла в прибрежные скалы, крепко вставшие в белый песок. Пройдя еще с полкилометра, они наконец выбрались к рыбацкой ферме с длинным навесом для сушки сетей. На осушке торчала мачта вытасенного на песок парусного бота. Бретонец отвел гостей в сарай, где они с удовольствием устроились на ворохе старых сетей и рваных парусов. Общее томление нарастало: еще один бросок – через пролив – и вот он, спасительный берег Англии! Но именно этот бросок и был самым трудным на всем их пути. Немецкие гидросамолеты и моторные катера сновали вдоль всего северного побережья Франции, прочесывали местность и сухопутные патрули. Оставалось полагаться на ночную темень, счастливый случай да опыт британских моряков, которые уже не в первый раз выручали здесь своих летчиков.

Ближе к вечеру рыбак принес им нехитрый ужин – пару копченых рыбин, вареную брюкву и полкаравая хлеба. Все это исчезло в минуту. Ждали ночи, зарывшись в груды сетей и накрывшись парусами. С моря тянуло сырым холодком.

– Майкл, – попросил Лунь, – расскажите что-нибудь о Бэрриморе.

– О кей! – обрадовался Майкл, как будто ждал этой просьбы. – Однажды хозяин предложил своему приятелю: «Давай затащим в ванную дохлую лошадь. А потом я велю Бэрримору приготовить ванну. Он скажет: “Но там же дохлая лошадь!” А я отвечу: “Я знаю”». Так и сделали. «Бэрримор, приготовьте ванну!» – «Извольте, сэр, ванна готова!» – «Хм... Но там же дохлая лошадь!» – «Я знаю, сэр!»

– Это твой самый скучный анекдот про Бэрримора, – мрачно заметил Дик.

– Я знаю, сэр! – засмеялся Майкл.

Стемнело. Ближе к полуночи в сарай заглянул хозяин и позвал их наружу. Без лишних слов летчики и Лунь помогли рыбаку стащить бот на воду и, замочив ноги, впрыгнули в лодку. Бретонец отгреб подальше от берега. Сердце Луны колотилось как тогда, в Бресте, перед последним прорывом. «От Бреста до Бреста!» – усмехнулся он, вспомнив, что здесь, в Нормандии, есть тоже Брест, и тоже город-крепость. Только этот Брест в отличие от того, что на Буге, сдался немцам без боя.

Море покачивало. Бот переваливался с борта на борт, и рыбак не без труда поставил парус. Ветер впрягся в полотнище, как хороший битюг, и за кормой сразу же зажурчала, зашумела вода. Лунь сидел на самом носу и до боли в глазах вглядывался в ночную темень. Все маяки были погашены, дома на побережье были затемнены – ни огонька, ни проблеска. Весь мир был объят первозданной тьмой. «Кто и кого сможет найти в такой темени?» – подумал Лунь и тут же увидел силуэт дрейфующего катера. С катера их тоже заметили и, дав малый ход, подошли к боту. Это был торпедный катер и рядом с утлым баркасом смотрелся он весьма внушительно. Рыбак швырнул конец, и моряки его ловко подхватили, подтянув бот под самый борт. В четыре руки катерники приняли Дика, потом Майкла и наконец Луня с его неизменным чемоданчиком. Всех их тут же отправили в кубрик, и катер, взревев моторами, быстро набрал ход. Под подволоком кубрика светился синий плафончик. Летчики переговаривались с врачом, который поджидал их с термосом крепчайшего чая и сэндвичами. Лунь еще боялся поверить, что все уже позади, но кружка горячего чая, сдобренного хорошей толикой рома, и сэндвич с тунцом убедили его, что все будет хорошо.

В Ньюгэвэне, куда после двух часов бешеного лета по волнам прибыл катер, их встретила санитарная карета и тоже на полной скорости помчалась в сторону Лондона.

Глава третья

Ночь в «Малой Венеции»

Утром Лунь проснулся на железной койке, стоявшей в небольшой комнатке с оконцем под потолком – то ли в камере, то ли в больничном изоляторе. Рослый негр-сержант принес ему тарелку порриджа с кусочком сливочного масла и кружку черного кофе. Он же препроводил потом Луня в служебный кабинет, где его встретил моложавый офицер в темно-синей морской тужурке.

– Капитан-лейтенант Моулди, – представился он.

– Майор Вебер, – ответил в свою очередь Лунь.

– Надеюсь, майор абвера? – усмехнулся Моулди, переходя на немецкий.

– Никак нет. Майор советской военной разведки.

– О, это интересно! А чем вы докажете, что вы не майор абвера?

– Ну, хотя бы тем, что у меня нет удостоверения агента абвера.

Моулди улыбнулся:

– Ценю ваш юмор. У нас есть союзнические контакты с Разведупром Красной Армии. Мы можем сделать запрос о вас?

– Конечно. Но скорее всего вы получите ответ, что такого сотрудника в их системе нет и никогда не было. В лучшем случае вам ответят, что я невозвращенец, перебежчик, а значит, пособник немецкой разведки.

– Логично.

– Может быть, еще один вариант. Они подтвердят и потребуют немедленной передачи меня в советское посольство. Ну, а уж там-то меня отправят на родину в 24 часа.

– Хорошо. Запрос отпадает. Тогда расскажите о себе поподробнее.

Лунь честно, утаивая лишь детали своей работы в Кёнигсберге, поведал свою закрученно-перекрученную историю. Но из всего рассказанного как раз именно его работа в Кёнигсберге интересовала Моулди больше всего.

– У вас осталась в Кёнигсберге своя сеть?

– Нет, с моим уходом она распалась.

– Возможно ли ее восстановить?

– Вряд ли. Такую сеть надо создавать заново.

– Кто был вашим резидентом в Кёнигсберге?

Лунь назвал кличку расстрелянного Орлана. Но Моулди хотелось знать больше. Он расспрашивал о структуре Разведупра в Москве.

– Думаю, вы об этом знаете больше, чем я, – пожал плечами Лунь. – Почти десять лет я прожил в Германии, а нелегалов меньше всего информируют о структурных изменениях в Центре.

Моулди прошелся по комнате, заложив руки за спину.

– Все, что вы рассказали, чрезвычайно любопытно. Когда-нибудь на пенсии вы напишете о своих приключениях неплохой детектив. Но я позволю себе напомнить вам одну мысль Макиавелли, который еще в своем замечательном XVI веке изрек: «Чтобы разведать намерения противника, некоторые полководцы подвергали мнимому изгнанию доверенных лиц, которые искали убежища у неприятеля, раскрывали его намерения и передавали их своим начальникам».

– Я знаю это изречение. Но, полагаю, ко мне оно никак не относится. Во-первых, для советских полководцев вы не являетесь противником. А во-вторых, если бы моим начальникам понадобилось внедрить в вашу систему своего агента, они выбрали бы для этого не такой громоздкий и не слишком убедительный путь.

– Адмирал Канарис не отказался бы от услуг человека с вашей биографией...

– Если бы я был агентом абвера, господин Заритовский не стал бы переправлять меня сюда, рассекречивая «цепочку». Он разобрался бы со мной еще в Берлине.

– Ну, насчет господина Заритовского – с ним самим еще надо разобраться. Он и так слишком многое взял на себя. А человеку свойственно ошибаться, не так ли?

– Если бы я был агентом абвера, то не стал бы брать с собой свою форму и немецкие документы. Да и вся легенда была бы много проще и убедительнее.

– Ваш мундир может быть тоже уловкой. А вот легенду мы проверим на детекторе лжи. На все мои вопросы отвечать коротко – только «да» или «нет».

И Луня отвели в другую комнату, где на большом столе стояли какие-то неведомые ему приборы, опутанные проводами. Ему велели разуться, а потом посадили в кресло с высокой спинкой, прикрепили датчики к шее, груди, к запястьям, вискам и даже между пальцами ног. Сердце его заколотилось. «А вдруг это разновидность “электрического стула”? Как врубят ток, так и почернеешь?» Но никто не собирался его умерщвлять. За пультом села светловолосая женщина в морской форме. Моулди подошел к Луню и, вперив взгляд в его зрачки, стал задавать вопросы:

- Вы Вальтер Вебер?
- Нет.
- Вы агент абвера?
- Нет.
- Вы русский?
- Да.
- Вы советский разведчик?
- Да.
- Вы говорите по-английски?
- Нет.
- Вы женаты?
- Нет.
- У вас есть особые цели в Англии?
- Нет.

Исследование на детекторе продолжалось, как показалось Луню, бесконечно долго. Он ответил на десятки вопросов, пока с него не сняли наконец датчики. Его отвели в комнату-камеру-изолятор. Оставили в покое, покормили весьма скромным обедом, а после «файво-клока» снова привели в кабинет Моулди. Тот ничего не сказал о результатах, полученных на детекторе лжи. Но судя по тону, с каким он теперь разговаривал со своим подопечным, они его удовлетворили. Он даже предложил сигарету, и Лунь учтиво закурил.

- Если мне окажут доверие, я его оправдаю, – вкрадчиво заметил он.
- Насчет доверия решаю не только я, – выпустил изумительно ровное кольцо дыма Моулди.

- Понимаю. Простите за нелепый вопрос, но мне хочется его задать.
- Я вас слушаю.
- Не знаете ли вы каких-либо анекдотов про слугу Бэримора?

Моулди улыбнулся, согнав с лица, напыщенное выражение.

– Знаю, конечно! Итак, Хозяин спрашивает: «Бэримор, что это за жуткий вой за окном»? – «Это собака Баскервиллей, сэр!» – «Бэримор, что это за дикий вопль на болотах?» – «Это кошка Баскервиллей, сэр!» – «Бэримор, а что это за глубокая леденящая душу тишина на озере?» – «Это рыба Баскервиллей, сэр!» Вы что, проверяете меня, настоящий ли я англичанин?

– Да, сэр! Я окончательно убедился, что имею дело с англичанином, – в тон ему ответил Лунь.

Анекдот снял напряженность в их отношениях. И Моулди спросил почти дружески:

- Вы в Лондоне впервые?
- Впервые.
- Моя помощница Сильва покажет вам город.
- Буду чрезвычайно признателен!
- Отдыхайте пока.

* * *

На следующее утро в камеру к Луню заглянула помощница капитан-лейтенанта Моулди – Сильва. Она оказалась весьма худощавой особой лет тридцати в укороченной шотландской юбке и черном берете.

- Вы готовы к прогулке, сэр? – спросила она, улыбаясь по-свойски.
- Готов, миссис.

– Ой, только не называйте меня этим ужасным словом! – засмеялась Сильва. – Я – Сильва. И этого достаточно!

Лондон, несмотря на свежие руины, обилие людей в форме и камуфляж больших фасадов, не производил впечатления прифронтового города. Во всяком случае, Минск после ковровой бомбардировки 24 июня выглядел намного ужаснее. Здесь же жизнь текла по привычным руслам мирного времени столь же накатанно, как вершили свой бег черные автокэбы таксистов или двухэтажные автобусы. Ну разве что на крышах высоких домов торчали кое-где наблюдатели с биноклями, направленными в небо, да из Гайд-парка торчали стволы зенитной батареи.

– Я буду говорить тихо, – предупредила Сильва, – потому что, сами понимаете, лондонцы сейчас не любят немецкую речь.

Сильва оказалась неплохим гидом. Она тараторила без умолку, поражая своего подопечного самыми неожиданными сведениями:

– Вы знаете, у нас в Лондоне нет воробьев и трамваев. Трамваев нет потому, что их вытеснили двухэтажные красные автобусы, которые бы задевали своими крышами контактную сеть. Куда исчезли воробьи, удивляются и сами старожилы. Может быть, их вытеснили голуби, которые развелись тут в преогромном количестве.

Первым делом Сильва отвела своего подопечного в Тауэр.

– Обратите внимание на этих воронов. По легенде, пока в Тауэре будут жить вороны, королевский трон будет незыблемым. Поэтому их подкармливают здесь специальные служители. Эти вороны – потомки тех птиц, которые расклевывали тела изменников британской короны.

«Символическое начало! – усмехнулся про себя Лунь. – Воспитательное. Ну, ну, воспитывай меня дальше, крошка!»

В Тауэре стояла зенитная батарея, и Лунь привычным оком отметил калибр и число стволов. Но больше всего его поразила лошадь, которую водили у ворот Тауэра в конском противогазе. Общество «Наши немые друзья» собирали пожертвования на изготовление противогазов для животных.

– Считается, что у Лондона есть тринадцать символов, – продолжала рассказ Сильва. – Это Тауэр, парламент, собор Святого Павла, Букингемский дворец, Тауэрский мост, Вестминстерское аббатство, кэбы-такси, красные двухэтажные автобусы, королевские гвардейцы в красных мундирах, красные почтовые ящики, красные телефонные будки, стражники Тауэра в красных камзолах, ну и полисмены в черных шлемах.

– А пабы?

– Да, и пабы, конечно, тоже. Посидим в пабе? – предложила Сильва.

– Нет.

– Почему? – удивилась девушка.

– У меня нет денег.

– У меня есть.

– Не в моих правилах, чтобы расплачивалась женщина.

– Но это не мои деньги, – улыбнулась Сильва. – Мне выдали их специально для нашей прогулки. Их не так много, но на паб хватит.

– Ну, что ж, тогда заглянем.

В пабе было полутемно и дымно от многочисленных трубок. Они сели к окну и заказали: Сильва – кофе, а Лунь кружку эля.

– Никогда не пробовал настоящий английский эль. Только читал.

– Вы много читали?

– Старался не отказывать себе в этом удовольствии.

– А что читают русские из английской литературы?

– Шекспир, конечно, Свифт, Даниель Дефо, Стивенсон, Диккенс, Конан Дойль...

– О, прилично!

– А что читают англичане из русской литературы?

Сильва немного замялась:

– Толстой, – вспоминала она, – Достоевский... И этот – Купер... Купри...

– Куприн?

– Да, я очень люблю его рассказы из русской жизни. Вы мой первый русский знакомый. («Первый русский клиент» – мысленно поправил ее Лунь.) И мне интересно с вами.

– А мне с вами, – дипломатично солгал Лунь, который с удовольствием побродил бы по Лондону один, без конвоира. Он еще раз рассмотрел свою спутницу. Даже в романтической полутьме паба краше она не показалась: острый галочий нос, слишком маленький подбородок... Хороши были пышные волосы, окрашенные в черный цвет, и глаза – чуть раскосые с выражением скрытого превосходства.

Он знал, что по правилам вербовочной игры эта прогулка закончится сексом. Не знал только, хватит ли ему страсти, чтобы провести с этой красоткой классический ближний бой. А впрочем, как говаривал Орлан, полюби и страшненькую: Бог сжалится – красивую пошлет. Красивую он ему уже посылал, но слишком быстро взял к себе. Лучше Вейги, интереснее, красивее ему еще не встречались. Ни Мария, ни тем более Сильва даже близко не могли стать рядом с длинноногой, нежногрудой улыбчивой Вейгой! О, Вейга...

– Скажите мне что-нибудь на русском, – попросила Сильва. – Я хочу послушать мелодику языка.

Лунь задумался, потом повел из глубины души:

Какой ты стала позабытой, строгой
И позабывшей обо мне навек.
Не смейся же! И рук моих не трогай!
Не шли мне взглядов длинных из-под век.

Не шли вестей! Неужто ты иная?
Я знаю всю, я проклял всю тебя.
Далекая, проклятая, родная,
Люби меня, хотя бы не любя!

Сильва благодарно улыбнулась:

– Я поняла, что это стихи. О чем они?

– О любви... Это стихи Павла Васильева.

– Из русских поэтов я слышала только про Пушкина... Но я учила романо-германскую филологию. Была и в Италии, и в Германии.

– А где вы бывали в Италии?

– В Риме и в Венеции... О, я вам покажу одно интересное место в Лондоне – Малую Венецию! – предложила Сильва. – Никогда не слышали о ней?

– Нет. А где она находится?

– Идемте. Это недалеко отсюда. И я как раз там живу.

Район, который так и назывался – «Литл Венис», располагался вдоль извилистого канала, соединявшего городское озеро с Темзой. У бетонной набережной стояли длинные крытые лодки – плавучие дома, в которых жили местные «венецианцы»: помесь гондол с китайскими джонками. Жили в них со всеми удобствами, судя по водопроводным шлангам и электрическим кабелям, переброшенные на борта этих жилых «гондол». На их крышах стояли вазоны с цветами, птичьи клетки, плетеные коробки, чемоданы и даже лежали велосипеды.

Одна из таких «лондонджонок» только что снялась со швартовых, хозяин-шкипер запустил подвесной мотор на транце, и длинная узкая гондола скрылась в тоннельном проходе под ближайшим мостом.

– А это моя лодка! Вообще-то, это жилье моего брата, но сейчас он воюет в Африке, а я обитаю тут. Прошу!

Сильва отперла невысокую дверцу в торце надстройки, и Лунь, пригибаясь, вошел вслед за хозяйкой в узенькую каюту, которая служила и гостиной, и кухней одновременно. Тут с трудом могли разместиться четыре человека. На откидном столике теснились электроплитка, кофеварка, соковыжималка, тостер...

Сильва включила кофеварку и провела гостя в корму. За ширмой-гармошкой оказалась узенькая спальня с двумя койками по бортам.

– Если откинуть эти створки, то кровати объединяются в одно ложе.

Сильва показала, как это делается, да так и оставила.

– И давно вы здесь живете?

– С тех пор как боши разбомбили наш дом на Бейкер-стрит.

– У меня тоже дом разбомбили... В Мемеле. И жена там погибла.

– Сочувствую вам очень... Ой, кофе готов! Давайте поужинаем!

– Только, чур, я готовлю! У вас картошка есть?

– Есть.

– А яйцо найдется? И луковица. Я свое любимое блюдо приготовлю – драники.

Через десять минут Лунь разложил на тарелки поджаристые оладьи из тертого картофеля.

– Эх, жаль сметаны нет!

– Да и без сметаны так вкусно! – восхищалась Сильва. – Вы прекрасный повар!

Смеркалось, и Сильва задернула на оконцах маскировочные шторы, зажгла свечи и разлила по рюмкам виски.

– За ваш корабль! – приподнял свою рюмку Лунь. – За его счастливое плавание!

– Англичане говорят так: сломай дом, построй корабль! – улыбнулась Сильва. – Мой дом уже сломан. И корабль построен. Давайте лучше выпьем за наше знакомство. Оно, конечно, вынужденное и даже служебное. Но мне бы хотелось думать, что мы познакомились сами, случайно – в метро...

– Тогда уж лучше не в метро! – подхватил идею Лунь. – Давайте в Париже, перед войной. На Монмартре...

– Я была в Париже перед войной!

– Тем более! Я вошел в кафе, а вы сидели у столика возле окна. Почти все места были заняты. Гарсон сказал, что если мадмуазель не возражает, то он может посадить меня за ее столик.

– Мадмуазель не возражает...

– И тогда мы сделали по глотку этого напитка!

– И у мадмуазель закружилась голова. И она стала рассказывать свои любимые анекдоты про слугу Бэримора... Интересно, какие анекдоты рассказывают немцы? Мне кажется, у них проблемы с юмором.

Лунь напряг память:

– Ну, например, такой. Звонок в полицию. «Алло, там какой-то мужчина насилует в парке мертвую женщину!» – «Сейчас выезжаем!» Через минуту в трубке снова тот же голос: «Извините, я ошибся. Она – англичанка!»

Сильва вспыхнула:

– Это гнусная геббельсовская клевета на английских женщин!

– Вы готовы ее опровергнуть? – дерзко спросил Лунь.

– Я готова ее опровергнуть, – тихо произнесла Сильва и смело посмотрела в глаза своему гостю.

– Опровергнуть на деле?

– Опровергнуть на деле, – как эхо повторила девушка и покусала слегка пересохшие губы.

Лунь взял ее ладони и приложил к своим щекам. Пальцы Сильвы погладили его по вискам. Он притянул ее к себе, с радостью ощущая, как покорно льнет к нему женское тело. Волосы, упавшие к нему на шею, источали какие-то неведомые ему ароматы Туманного Альбиона. Поцелуй в нежное местечко за ухом, потом легкий присос в шею заставил девушку встать и стянуть свою блузку. Он помог расстегнуть ей черный шелковый бюстгальтер и оторопел при виде налитых, идеально округлых грудей, увенчанных вишневыми ягодками. Это были не девичьи бутоны, это была грудь настоящей женщины, набравшая всю свою соблазнительную спелость. Лунь потянулся к ней губами, но тут истошно завывла сирена воздушной тревоги. Нагло, зло, тяжело гудели моторы немецких бомбардировщиков.

– Никуда не пойдем! – перехватила его тревожный взгляд Сильва. – Остаемся здесь. И назло Гитлеру займемся любовью!

Ох, и славно позлили они Гитлера в эту ночь!

Где-то в районе Паддингтонского вокзала грохотали взрывы бомб и заливисто таякали зенитки. Лунь надежно прикрывал своим телом свою новую подругу и новая подруга, не обращая внимания на воздушный бой, подбрасывала своего партнера с испанской страстью! Вот так, вот так, вот так любят англичанки! И пусть не сочиняют об их бесстрастии гнусные басни! В какофонию войны – свисты и взрывы, вой и трескотню – вплетались жаркие вздохи Сильвы, ее сладкие стоны и восторженные вскрики. Они творили жизнь посреди разбушевавшейся смерти.

И вдруг лицо девушки стало прекрасным, оно просияло такой негой и таким счастьем, что Лунь невольно залюбовался ею. О, как прав был Флобер, утверждая, что худоба – мать сладострастия! Сильва выскользнула из-под него и, словно рябина на снегу, вспыхнули на миг ее шарики-соски – теперь она прикрывала его от железных птиц, бороздящих лондонское небо. Должно быть, лодка раскачивалась от их толчков и от бортов разбегались волны... Самолеты давно улетели, а они все еще продолжали свою неистовую любовную скачку.

* * *

Утром, наскоро позавтракав яичницей с беконом и недопив кофе, они отправились в офис на Бери-лэйн. Только теперь, проходя мимо дымящихся развалин многоэтажных домов, обходя кирпичные груды руин, Лунь понял, какой мощный налет они пережили там, на утлом челноке посреди бушевавшего моря огня.

Моулди встретил их на пороге своего кабинета.

– Ну и как вам Лондон? – спросил он, усаживаясь в кресло, спросил так, словно и не было ночной бомбардировки.

– Он великолепен, сэр! – совершенно искренне воскликнул Лунь.

Моулди усмехнулся и понимающе покосился на Сильву.

– И какие у вас планы на жизнь? – лицо Моулди быстро приняло серьезно-деловое выражение.

Лунь все еще улыбался, не в силах отрешиться от ночных радостей.

– Я бы хотел остаться в Лондоне навсегда.

– Важно понять, хотел бы Лондон, чтобы вы остались в нем навсегда? Сейчас Лондону важнее, чтобы вы остались на время войны в Германии, а не здесь. Вы военный человек и ваше место на войне.

– Я понимаю, сэр...

– Мне приятно, что вы меня правильно понимаете. Надеюсь, вчерашняя прогулка несколько сблизила вас с миссис Джонстон?

– Безусловно, сэр.

– Это очень важно. Ведь вам предстоит работать вместе.

– Я уже это понял. Готова ли миссис Джонстон работать со мной?

Сильва чуть заметно улыбнулась:

– Я готова работать с вами.

– Превосходно! – подытожил Моулди. – Тогда поговорим о деле подробнее.

Из всего сказанного Лунь понял одно: Англию серьезно беспокоит морская блокада Британии и в Данциге, где находится мощная судоверфь, которая строит подводные лодки, действует некая группа агентов МИ-6 – в ее работе и предстоит принять участие им с Сильвой. Кто они, что они – знать об этом Луню не полагалось. Его задача на первых порах была проста: выполнять все указания Сильвы.

– Вы приедете в Данциг как муж и жена, состоящие в неформальном браке. В остальном в вашей судьбе и в вашей истории, господин Вебер, ничего не меняется. Вы по-прежнему отставной майор вермахта, инвалид, который познакомился в Париже с замечательной фройляйн Сильвой, влюбился в нее и увез ее в Германию. Вы увезете ее в Данциг, где будете заниматься вашей прежней работой. То есть работать портье в отеле. В гораздо более престижном отеле, чем тот, в котором вы служили в Берлине. Это отель «Ганза», а Сильва будет работать в нем горничной. Ваши рабочие места уже «забронированы». Жить будете там же, в отеле, в служебном номере. Постарайтесь до мелочей разработать историю вашего знакомства в Париже и заучить ее, так чтобы никаких разночтений у вас не было. Каждый из вас потом расскажет мне вашу «лав стори» во всех подробностях.

Ну, а пока приглашаю на ланч!

Глава четвертая

«Я пью только кальвадос!»

«Ну, вот, у меня теперь новая Клара! – поздравил сам себя Лунь. – Везет же мне на служебных жен!» Он обнимал Сильву за плечи, в кубрике торпедного катера. Катер нещадно трясло и швыряло на крутой волне, он перепрыгивал с гребня на гребень, как телега с ухаба на ухаб. Усидеть можно было, только крепко обнявшись и упершись ногами в ножки столика. К тому же Сильву изрядно укачало еще в прибрежной зоне – до выхода в Ла-Манш.

– Да, у тебя на лодке было намного уютнее! – пытался он ее развеселить. – Качало, конечно, но гораздо более приятно...

– Мы сами себя качали, – вымученно улыбалась девушка. – Ни за что бы не стала моряком.

– Ну, вот, а еще говорят, что англичане – морская нация!

– Сейчас я не англичанка. Я просто женщина, которую зачем-то запихнули в эту железную коробку и стали подбрасывать.

– Еще полчаса – и мы во Франции! И ты станешь француженкой. А в Париже обязательно сходим в тот ресторанчик, где мы познакомились.

– Это было кафе, если ты помнишь.

– Хорошо бы узнать его название.

– И имя гарсона, который нас познакомил.

Лунь нежно поцеловал ее в уголок губ. Она ответила ему вялым поцелуем.

– А не заняться ли нам любовью прямо сейчас – назло Гитлеру? Здесь так подбрасывает, что даже двигаться не придется!

Она не отреагировала на его шутку. Уткнулась носом в плечо, отчего еще больше стала похожа на большого галчонка.

Через полчаса катер сбросил обороты, пытка тряской закончилась, но закачало еще сильнее, так, что даже Лунь почувствовал приступ тошноты. В кубрик вошел лейтенант в мокром плаще и жестом пригласил их к выходу.

Рыбачий бот подошел почти вплотную, грозя навалом на катер. Лунь перепрыгнул с борта на борт первым и в четыре руки, вместе с рыбаком принял Сильву, а затем ее баул. С бота же перескочили друг за другом трое новых, спасенных «Ланцугом», летчиков.

Все прошло как нельзя лучше. Катер дал ход, круто развернулся и тут же исчез в ночном сумраке. Бот медленно пошлепал к берегу. Это была все та же рыбацкая ферма, где месяц назад Лунь с летчиками поджидал оказии. И даже чемодан его сохранился вместе с упакованным мундиром и словарями! «Прямо, как в камере хранения!» – изумился он. Сильва была немало удивлена и даже огорчена, когда он переоделся в немецкую форму.

– Ну, ты как настоящий фашист! И ты хочешь, чтобы я гуляла с тобой в таком виде по Парижу?!

Однако погулять по Парижу им не пришлось. Поезд Париж – Берлин уходил ровно в полдень, и они едва успели на него, попав в плотную привокзальную облаву. Лунь вывел Сильву сквозь кольцо оцепления, обнимая ее за талию. И лейтенант, возглавлявший проверку документов, только козырнул ему.

– Вот видишь, зачем я щеголяю в этом мундире, – нагнулся к уху спутницы Лунь. – Это мой лучший пропуск везде и всюду.

– Все равно очень противно видеть тебя в этой форме.

– Потерпи. Осталось недолго. В Данциге ты меня увидишь в ливрее швейцара.

– Портье.

– Невелика разница. Майором быть лучше.

– А ты честолюбивый!

– А ты сексигерл!

– А ты...

Сладкая парочка обнималась и ворковала на перроне Нордугар. Пожилой проводник помог им устроиться в купе 1-го класса. Слава богу, попутчиков не оказалось и до Берлина они доехали вдвоем.

В Берлине Лунь повеселел. Серые громады имперских зданий, красные флаги со свастикой над парадными подъездами, берлинские трамвайчики, сновавшие через речные мосты, колючая готика кирх – все было так привычно, знакомо, что ему показалось, будто он вернулся на родину после долгой разлуки. Четыре недели, проведенные в Лондоне, казались невероятным сном. Здесь же, в Германии, начиналась реальная жизнь, которой Сильва толком не знала и которая угнетала ее уже загодя.

В поезде на Данциг Лунь переоделся в штатское – пиджачную пару и серый дорожный плащ – и превратился в бюргера средней руки. Однако майорское удостоверение держал наготове.

Данциг за двадцать лет вольного статуса не утратил ничего немецкого из своего облика, из ганзейского образа жизни. Портовый город переполняли военные, в основном моряки кригсмарине. Торговые суда большей частью стояли на приколе, а над портом висели аэростаты воздушного ограждения. Днем сухогрузы отстаивались, а по ночам ходили в Швецию.

Они без труда нашли отель «Ганза» – шестиэтажное здание в стиле конструктивизма. Сильва оставила его в кафе напротив вместе с вещами, а сама ушла в отель выяснять обстановку. Конечно, было немного обидно, что эта девица верховодит им в его родной стихии, в стране, где он чувствует себя, как рыба в воде. Но правила игры предписаны английским

начальством. И надо было зарабатывать право на жизнь в безопасной стране. Самое главное, что не придется вживаться в новую роль. Все тот же отставной майор-инвалид сменил работу портье берлинского отеля на работу в данцигском. «Зачем он это сделал? Может быть, здесь будут больше платить? Тогда все логично. Поссорился со своей гражданской женой, нашел новую – молодую к тому же – подругу и приехал в Данциг. А если зарплата будет еще ниже?»

От напряженных раздумий его отвлекла Сильва, которая сделала ему знак через стекло витрины. Лунь подхватил легкий чемодан и тяжелый баул – «что она туда напихала?» – и вышел на улицу.

– Все в порядке! Мы приняты на работу! – радостно объявила Сильва, заметно повеселев.

Номер, в котором им предстояло жить, располагался на втором этаже служебного коридора, и Лунь первым делом проверил пути скрытного ухода. Окно спальни выходило во двор-колодец, и можно было выйти по карнизу по водосточной трубе, а там съехать вниз. Да и просто спрыгнуть можно, если что... Хотя с поврежденными позвонками не очень-то теперь прыгаешься... Зато из второго окна можно было перелезть на пожарную лестницу.

Свое новоселье они отметили на широком ложе, совершив древний языческий акт в честь богини любви и плодородия. Из-за не очень толстой стенки радиоприемник заходиллся веселым маршем «Зеленый егерь»...

* * *

Обязанности нового портье в отеле «Ганза» были несложны: он выдавал ключи от номеров немногочисленным постояльцам и принимал их, когда кто-то уходил или съезжал. При этом всегда внимательно осматривал прикрепленные к ним деревянные колобашки, похожие на груши. На них был выжжен номер комнаты. Но не это интересовало портье. Если на одной из колобашек он обнаруживал «случайно» приклеившийся крохотный уголок от почтовой марки – почти незаметный – в два-три зубца – он откладывал этот ключ в ящик своего бюро, а потом перекладывал себе в карман и уносил после дежурства домой. Там Сильва отвинчивала колобашку, извлекала из нее тоненькую трубочку папиросной бумаги и перекладывала себе в пудреницу. Ключ-контейнер она сама передавала тому, кому надо. И извлеченную записку тоже отправляла по одному ей известному адресу.

Что было в записках, Лунь мог только смутно догадываться. Неподалеку от «Ганзы» находилась проходная судоверфи, где строились подводные лодки для кригсмарине.

У отставного майора была более чем скромная роль – безмолвного передаточного звена и только. Большого ему пока не доверяли, и кроме Сильвы, никого из ее здешних коллег по МИ-6 он не знал. Да он и не стремился к большему, исповедуя старинную мудрость: чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Правда, спал он весьма чутко и просыпался от малейшей помехи – сказывались годы нелегальной жизни за границей. Да и с Сильвой тоже было не разоспаться: у них в самом разгаре цвел медовый месяц! И это сладкое безумие выбивало обоих из суровой колеи нелегальной жизни.

Только один раз они серьезно повздорили. Лунь назвал Черчилля политиканом, подтолкнувшим Гитлера на войну с Советским Союзом. Сильва вступилась за своего лидера.

– Не говори глупостей!

– Да, именно Черчилль зажег Гитлеру зеленый свет! – пытался обосновать свое обвинение Лунь. – Именно он гарантировал ему войну на один фронт, на те самые полгода, за которые фюрер планировал разбить СССР. И он свое обещание выполнил. И даже перевыполнил: война идет уже второй год без участия британских войск в Европе.

– Ну, откуда ты можешь знать, как и о чем они договорились? – возмущалась Сильва.

– Мне сообщил об этом Рудольф Гесс!

– Гесс? Ты что, с ним встречался?! Или, может быть, он тебе в письме признался?

– Мне не нужно с ним встречаться, чтобы понять, зачем он прилетел в Англию.

– Зачем?

– Чтобы совершить торг: вы нам гарантию, что не ударите в тыл во время Восточной кампании, мы вам – гарантию, что не высадимся на островах. Гесс всего-навсего посредник между Гитлером и Черчиллем. Но без него они не могли бы встретиться ни на каких секретных переговорах.

– Это только твои домыслы!

– Дорогая, я в разведке уже пятнадцать лет! И кое-что понимаю в военно-политических играх. Поэтому *мои* домыслы могут быть очень близки к истине. Ты не согласна со мной, тогда ответь мне, зачем Гессу надо было прилетать в Англию за *месяц* до нападения на Советский Союз?

– Гесс просто сумасшедший!

– Таким его объявил Гитлер! Ну, не мог же он сообщить всему миру, что отправил Гесса с миссией мира в Британию?! Нужна была маскировка, нужно было успокоить мировое мнение, что Черчилль ни на какие переговоры с фашистами не пойдет. Какие могут быть переговоры с сумасшедшим? И Черчилль наверняка не встречался лично с Гессом. Для этого у него немало доверенных лиц. Да и дискуссий особенных не было. Гесс привез сделку, в которой Черчилль крайне нуждался. Ему, как воздух, было необходимо, чтобы Гитлер напал на Сталина и отвлекся, хотя бы на время от Британии. Они дали друг другу год перемирия – негласного, конечно, замаскированного под воздушно-морскую войну! Разве теперь этого не видно?!

– Я не сомневаюсь, что эту мировую войну развязал твой Сталин! И никто в мире не сомневается в этом. В цивилизованном мире! Если бы Сталин не заключил с Гитлером договор о дружбе и не позволил ему напасть на Польшу, никакой мировой войны бы не было!

– погоди, погоди! Но годом раньше Черчилль и Чемберлен позволили Гитлеру напасть на Чехословакию. Это не начало мировой войны? И они же не возражали, когда Гитлер присоединил Австрию. Договор Молотова – Риббентропа – это всего лишь эпизод в уже начавшейся катастрофе.

Я не выгораживаю Сталина. Но я хочу объективности: Вторая мировая война началась не 1 сентября 1939 года. Она в тот день только продолжилась и расширилась. И Гитлер не спрашивал разрешения у Сталина присоединить к Германии отторгнутый Саар. Он делал это на виду у всей Европы. И первой спустила ему с рук свои провинции, отвоеванные ценой Седана и Вердена, Франция со всеми своими многомиллионными колониями! Вот тогда она и началась, Вторая мировая – 1 марта 1935 года. А потом полыхнула Испания, в которой уже тогда обозначились все нынешние участники мировой бойни.

– С тобой слишком хорошо поработали твои комиссары!

– Я сам могу поработать с любым комиссаром! Просто тебе не хватает информации!

Лунь схватил в запале спора утюг, стоявший на подоконнике, и Сильва с опаской на него посмотрела.

– Вот, утюг! Его забыли включенным на простыне. Возник пожар. Но скажи мне, что считать началом пожара – когда утюг перегрелся и затлела простыня или когда от нее занялась штора, или когда уже загорелась вся мебель в комнате? Я считаю, что пожар начался тогда, когда нерадивая хозяйка включила утюг в розетку, а сама ушла.

– Но она ведь могла вернуться в любую минуту и выключить утюг!

– Правильно! Но она не вернулась! Более того – она даже не учуяла запаха, когда под утюгом задымилась простыня. Утюг включили в Версале в 1919 году. Простыня, то есть Саар, задымился весной тридцать пятого. Франция с Англией еще могли выдернуть шнур из розетки, то есть одернуть зарвавшегося фюрера, который всего лишь два года был у власти. Но они этого не сделали. Не учуяли дыма начинавшегося пожара. А потом полыхнула штора – Австрия. А

потом загорелась мебель – Чехословакия. И уж только потом занялась вся квартира – Польша. Так когда же начался пожар?

Сильва надулась и перестала отвечать на его вопросы. Да и у Луня хватило благоразумия прекратить этот спор. Примирило их роскошное шелковое одеяло на двуспальном ложе...

* * *

Лунь стоял за конторкой портье и читал «Данцигер альгемайне», когда к нему подошла горничная Терезия:

– Господин Вебер, ваш старый друг ждет вас в вашем номере. Он просил вас подняться к нему. А меня – временно подменить вас.

– Какой еще, к черту, старый друг? – проворчал Лунь, предчувствуя недоброе.

Он не спеша поднялся на второй этаж. Дверь номера была почему-то приоткрыта – Сильва дома? Но вместо Сильвы из угла в угол комнаты прохаживался невысокий, но крепко сбитый франт в твидовой тройке и ярко начищенных штиблетах. Он сделал руками приветственный жест и поспешил закрыть дверь за вошедшим.

Все вещи были разбросаны. Даже лифчик Сильвы был вывернут наизнанку и валялся на подоконнике. Зато его мундир был аккуратно повешен на плечики поверх спинки стула.

– Что это значит? – убитым голосом спросил Лунь, хотя уже совершенно ясно обо всем догадался.

– Это значит, господин майор, что ваша сожительница – английская шпионка! – огорошил его незнакомец и залюбовался произведенным эффектом: у Луня подкосились ноги и он почти рухнул в кресло.

– Этого не может быть... – прошептал он побелевшими губами. Ему не надо было играть роль ошеломленного мужа, он и в самом деле был совершенно обескуражен, смят, растерян – да просто убит: провал! Именно так он себе и представлял его в страшных снах.

– Этого не может быть, не может быть... – повторял он, пытаясь взять себя в руки и хоть как-то защищаться.

Но незнакомец не давал ему собраться с мыслями:

– Почему вы считаете, что этого не может быть? – сверлил он его стальным взглядом. – У вас есть иные аргументы?

– Она так ненавидела англосаксов... Особенно после того, как они разбомбили Везель.

– Серьезный аргумент! – усмехнулся наглый тип. – Я обязательно приму его к сведению. А почему вы не спрашиваете, кто я?

– Раз вы ищете английских шпионов, значит, вы из гестапо.

– Поразительная проницательность, господин майор! Вас не проведешь на мякине! Да, я из гестапо – следователь по особо важным делам Густав Краузе.

Краузе достал удостоверение с маленьким фото, раскрыл его на несколько секунд, давая своей жертве полюбоваться, насколько хорош он в гестаповском мундире.

– Прошу отвечать на мои вопросы быстро. Если будете задумываться, я стану считать, что вы сочиняете ответ. Итак, сколько времени вы живете с фрау Готье?

– Почти полгода.

– Где и при каких обстоятельствах вы с ней познакомились?

– В Париже. Я зашел в кафе на Монмартре, и гарсон сказал, что все столики заняты, но есть одно место, где сидит дама, и если она не против... Дама – это была фройляйн Готье – согласилась на мое соседство.

– Мадмуазель Готье, – поправил его Краузе.

– Нет, фройляйн. Потом выяснилось, что она считает себя фольксдойче и не выносит французов.

– Хорошо. Каким образом и с какой целью вы оказались в Париже?

– Позвольте небольшую предысторию. Иначе вы не поймете, зачем меня понесло в Париж... Мы с моим фронтовым товарищем заключили договор: если кто-то из нас будет убит, другой не оставит без помощи его вдову. Вальтер погиб в июле сорок первого под Минском. И когда меня комиссовали из вермахта по инвалидности, я стал помогать его вдове. Поскольку моя жена погибла в Мемеле, вдова друга со временем стала моей гражданской женой. Но я не мог любить ее так же сильно, как свою Вейгу. Наши характеры, наши привычки были слишком разными. Я решил уйти от нее, но чтобы не убивать ее своим уходом, я сказал ей, что меня снова призвали в вермахт и я отправляюсь служить во Францию.

– Почему именно во Францию, а не в Бельгию или в Австрию?

– Я с юных лет мечтал побывать в Париже. Столько слышал о нем, столько читал... Дюма, Флобер, Бальзак, Мопассан! И тут решил – сейчас или никогда. Пока жив...

– Понятно. Увидеть Париж – и умереть! И вы, конечно же, отправились в «Мулен Руж», на Монмартр... И надели мундир, чтобы покорять француженок...

– Нет, я как любой немец люблю военную форму. Люблю быть в мундире, тем более в покоренной стране. Ведь мы же сейчас взяли реванш за Верден и за Версаль!

– Охотно верю в ваш патриотизм, господин майор! Судя по вашим наградам, вы неплохо сражались. Но чем могла покорить вас эта мадмуазель или фройляйн? Она некрасива, как большинство француженок. Такой бравый мужчина, как вы, мог бы найти что-нибудь и поинтересней.

– Скажу вам как мужчина мужчине – она оказалась бесподобной в постели. И к тому же хорошо готовит. А ведь настоящая женщина проявляет себя прежде всего в постели и на кухне.

Лунь нес всю эту ахинею, чтобы получить хоть кратчайшую передышку для осмысления ситуации. Сильва в гестапо, но она его пока не выдала. Иначе разговор был бы в другом месте и с другими интонациями.

– И вы решили связать с ней свою жизнь? Почему вы поехали из такого прекрасного города, как Париж, в этот провинциальный Данциг?

– Вы же знаете, быстрее отпуска кончаются только деньги! Надо было искать работу. Сильва сказала, что в Данциге у нее есть кузен, который может устроить нас на работу в отеле.

– Вы знакомы с ее кузеном?

– Она обещала познакомить...

– А с кем она вообще здесь встречалась?

– Только с коллегами по работе. Точно ответить на этот вопрос не могу, поскольку работа у меня суточная. Но она редко отлучалась из дома. Разве что в магазины или на рынок. Но и туда чаще всего мы ходили вместе.

– Вы замечали в поведении жены что-нибудь подозрительное?

– Я человек ревнивый... И если бы заподозрил ее в чем-то, то мы бы немедленно расстались! Но она не давала поводов для ревности.

– Я не о любовных интрижках спрашиваю!

– Нет, за радиопередатчиком я ее никогда не видел.

– Ценю ваше чувство юмора! Но я спрашиваю серьезно!

– На фронте только юмор спасал нас от помешательства. Простите, за неуместную шутку, господин Краузе!

Лунь опять выиграл несколько секунд для размышлений. Гестаповец сыпал вопросами, как из пулемета. Но теперь – в потоке извинений – можно было слегка собраться и разобраться.

Увы, Сильве, он ничем помочь не сможет. Надо спасать свою шкуру! Пока что можно еще играть роль недотепы, которого шпионка использовала как свое прикрытие. Такое может случиться с каждым.

– Я понимаю всю важность вашей работы для фатерланда...

Если Сильва подтвердит легенду их знакомства, которую Лунь изложил гестаповцу – а она знает ее назубок, столько раз прорабатывали! – то шансы выкрутиться из этой беды есть. Если только его не сдаст тот, кто приносил ему ключи. Но может, он уцелел?!

– До меня только сейчас начинает доходить весь ужас того, что произошло. У меня нет оснований не верить гестапо, не верить вам, господин Краузе. Гестапо не ошибается. Так нас учили, – Лунь сыпал фразами, не давая следователю вставить очередной вопрос. Теперь он перешел в наступление! – Я невольно стал пособником этой проходимки. Это моя вина! Чем я могу ее искупить?

Но Краузе не собирался менять тему разговора. Он продолжал испытывать своего собеседника в режиме детектора лжи. Правда, ему пока не удалось ни на чем его подловить. Ноль-ноль... Пока...

– Почему вы выбрали работу портье? Это профессия для фельдфебелей, а не для старших офицеров? Какая у вас гражданская специальность?

– До армии два года проработал бухгалтером.

– Это всегда востребованная профессия. Почему вы не вернулись к ней?

– Работа бухгалтера требует большого умственного напряжения. А мне после тяжелой контузии головы врачи рекомендовали избегать подобных нагрузок.

Краузе наконец замолчал. Он несколько раз прошелся по комнате. Зачем-то выглянул в распахнутое окно. Потом перевесил мундир в шкаф.

– Прошу извинить, господин майор, за внезапное вторжение и беспорядок, который мы тут устроили... Сами понимаете, такова наша служба... Продолжайте свою работу в отеле. Если заметите что-либо подозрительное, сообщите мне по этому телефону.

Краузе черкнул несколько цифр на сигаретной пачке.

– Ого! Французские! – воскликнул визитер на прощание. И это был его последний вопрос: – Ваши сигареты? Из Парижа?

– Я не курю. Это сигареты Сильвы.

– Позвольте, я возьму их в качестве сувенира! Всего доброго, господин майор и желаю вам удачи!

Гестаповец наконец исчез. Лунь остался сидеть в кресле, уронив голову на руки. Сильва на чем-то сгорела. На чем? Он так мало знал о ее работе, о ее обязанностях, что гадать было просто нелепо. Сгорела, и все. Как же ее жаль! Как нежна она была в их недолгие ночи! Но к черту сантименты! Разведчик не имеет права на любовь. Любое увлечение губительно. Его пока не тронули. Оставили в качестве подсадной утки – а вдруг кто-то из их группы войдет с ним в контакт? Пусть следят – он всегда работал чисто. И, кроме Сильвы, никого не знал.

Этот Краузе, конечно же, только сделал вид, что поверил в его непричастность к шпионской группе. Сколько они продержат его на коротком поводке? Может, сбежать пока еще не посадили в камеру? Но куда бежать?! У него нет никаких запасных адресов. И дело даже не в этом. Просто сейчас он под таким пристальным наблюдением, что любая попытка уйти даже в другую часть города будет воспринята как бегство. Все, что он может себе позволить, это сходить в кирху или посидеть в бирштубе на другой стороне улицы.

Лунь поднялся и, не прерывая невеселых размышлений, стал наводить порядок в комнате. Он убрал с подоконника лифчик Сильвы – ее любимый, из черного шелка – поднес к лицу, вдохнул запах ее груди и отшвырнул в бельевой ящик.

Потом достал из шкафчика бутылку кальвадоса, налил стакан.

«Отныне я навсегда ухожу из военной разведки!» – объявил он самому себе и выпил яблочную водку большими глотками. Невидимые тиски, сжимавшие череп, слегка разжались. Разведчик может выпить, но не имеет права напиваться. Лунь – напился в знак того, что он больше уже не разведчик. Он походил по комнате, а потом благоразумно рухнул на кровать и долго лежал поверх одеяла, засунув руки в карманы брюк.

* * *

Все эти дни тянулись за стойкой портье невыносимо долго. И все мысли бежали только по одному мрачному кругу...

Лунь прекрасно понимал, что если гестапо копнет прошлое майора Вебера – а оно обязано это сделать – то его песенка спета.

Впрочем, если они запросят только госпиталь, в котором он лежал, то там подтвердят и эпикриз, и достоверность выданных документов. А если пошлют запрос в его полк? Оттуда сообщат, что майор Вебер пропал без вести в начале июля 1941 года. Ну, тогда пропал, а потом нашелся – в госпитале, тяжело контуженный... Между пропажей майора Вебера и крушением эшелона прошел месяц. Почему за этот месяц новоявленный майор Вебер ни разу не появился в своей части, не дал знать о себе? Почему? Краузе наверняка уже заготовил вопрос на засыпку. Что могло произойти в жизни такого, что дисциплинированный офицер целый месяц никому не дал о себе знать? Попал в плен к партизанам, а потом отправился на Восточный фронт догонять свой полк? И не догнал... Логика есть, но все очень зыбко... Как удалось убежать? Но это можно придумать... Как добрался до Минска? На попутке. Почему не доложил военному коменданту о таком происшествии? Почему?

Лунь почти явственно слышал ехидно-вкрадчивый голос Краузе.

Доложил! Ну, не коменданту города, а коменданту вокзала, и тот сам посадил его в эшелон. И у него даже сохранился в портмоне листочек с номером вагона и его подписью. Не важно, что это всего-навсего лишь комендант вокзала. Главное, есть реальный документ или его подобие. Хоть какое-то, но все же доказательство!

«Да и найдут ли они этот полк? Может быть, его уже и в помине нет – разбили, расформировали, влили в другую часть... Мало ли что за два года войны может случиться? – утешал сам себя Лунь. – Нельзя падать духом! Надо верить в удачу... Да, да верить... Это хорошо. Но на Фортуна надейся, а легенду готовь впрок».

Выждав неделю, он позвонил Краузе и попросил его принять.

– Есть что-то интересное?

– Не по телефону...

– Разумеется! Жду вас по адресу...

Городское управление гестапо размещалось в центре Данцига, в здании полицей-президиума, отобрав себе лучшую часть большого особняка.

– Господин Краузе, мне мучительно работать в этом месте, где меня так обманывали! Позвольте мне вернуться в Берлин к моей прежней жене.

– Я вас понимаю. Но вы пока нужны нам именно на этом месте. Потерпите еще неделю, а потом мы решим ваш вопрос.

– А можно мне хотя бы сообщить жене, что я жив и здоров?

– А как вы объясните ей свое пребывание в Данциге и вообще свое столь долгое отсутствие без писем и звонков?

– Я думал об этом... И прошу вас помочь мне.

– Каким образом?

– Вы профессионал, вы можете разработать любую легенду.

– Вы хотите, чтобы я помог вам обмануть вашу жену?! – изумился Краузе.

«Удивить – победить!» – невольно отметил про себя Лунь.

– Я обращаюсь к вам как мужчина к мужчине.

– Это забавно! – усмехнулся следователь. – Я подумаю... Ну, скажите ей, что вы попали в плен к макизерам. А потом героически бежали.

– Вот если бы вы мне справку дали, что я находился у них в плену!

Краузе резко встал и рассмеялся:

– Вы мне нравитесь, господин майор! Прийти в гестапо за справкой для жены! Черный юмор! Bravo! Хотите чашечку кофе? Такого же черного, как и ваш юмор?

– Не откажусь!

Краузе включил электрокофейник и достал из тумбы стола две фарфоровые чашечки, наполнил их отнюдь не желудевым кофе. Аромат выдавал настоящую арабику. Краузе изучал выражение лица своего гостя, который не скрывал блаженства после первого глотка из фарфоровой чашечки.

– Мне кажется, господин майор, вы большой хитрец и можете сами придумать любую легенду, не так ли? – продолжил он прерванную тему.

– Давно не пил такой хороший кофе!.. Спасибо за ваше лестное мнение о моих способностях. Услышать такие слова от профессионала – дорогого стоит. Но как говорят русские, на всякого мудреца довольно простоты!

– Это вы с Восточного фронта привезли? А расскажите, как вы воевали? Мы тут, тыловые крысы, мелких шпионов ловим, а вы там, на передовой, за рейх кровь всерьез проливали...

– Воевал, как и все. Много крови не пролил, а вот увечье получил серьезное. Под Боровом партизаны пустили наш эшелон под откос. Это страшно, когда твой вагон поднимается на дыбы и ты летишь в тартары! Снится это почти каждую ночь... Если не выпьешь перед сном. Я скоро алкоголиком стану...

– Хотите бренди?

– Я пью только кальвадос.

– «Я пью только кальвадос»... – зачем-то повторил Краузе. – Хороший пароль... И вполне патристичный. Но кальвадоса у меня нет.

– Теперь в довершение ко всему будут сниться английские шпионки... – посетовал Лунь и вдруг крепко сжал кулаки. – Если бы мне позволили, я бы задушил ее своими руками!

– Не переживайте! В Плетцензее это сделают гораздо надежнее.

Лунь внутренне вздрогнул, представив себе Сильву под гильотиной. Но он продолжал играть роль разгневанного простака. А Краузе с улыбкой подливал масла в огонь:

– Как же так, господин майор, боевой офицер, с таким опытом и так нелепо попасться в сети примитивной шпионки?

Похоже, он тихо издевался над своей жертвой.

– Ну, я бы не назвал ее примитивной шпионкой, – Лунь пригубил чашечку, подыскивая достойный ответ. – Все женщины – прирожденные шпионки. Вы, наверное, женаты?

Вопрос застал Краузе врасплох.

– Да, – сбился он со своего иезуитского тона, – то есть теперь уже нет.

– Вот видите, вы тоже побывали в сетях у недостойной вас женщины.

– Еще неизвестно, кто у кого побывал в сетях, – нахмурился следователь.

Тема, на которую перевел разговор Лунь, ему была явно неприятна. Он наполнил рюмку бренди.

– Цум вольт! – и запил огненную влагу большим глотком кофе.

Из управления гестапо Лунь направился в кирху. Ушел в дальний приалтарный угол и долго молился перед статуей Девы о смягчении судьбы Сильвы.

«Да минует ее нож гильотины!» – были последние слова его молитвы.

И еще точила его душу нудная мысль, что после провала Сильвы там, в Лондоне, могут решить, что это именно он подставил ее и всю цепочку, весь «Ланцуг», и Казика в том числе... Моулди и так с большим сомнением отправлял его в Данциг. Возможно, его даже попытаются убрать.

Ох, как неуютно он чувствовал себя под этим блекло-голубым данцигским небом...

Глава пятая

«Я думала, что стала “черной вдовой”»

Через неделю, в течение которой в отеле не произошло ровным счетом ничего, заслуживающего внимания гестапо, Луню разрешили уехать в Берлин. Он прекрасно понимал, что и там его не оставят без внимания, скрытая слежка будет продолжаться, пока он будет нужен в качестве подсадной утки. Но лучше быть под колпаком, чем в колпаке, то бишь в камере.

Во Фронау в глаза бросились свежие руины соседского дома, в который угодила бомба. Но их особнячок был цел и невредим. Мария бросилась ему на шею:

– Боже, ты жив! Какое счастье! А я уж решила, что снова стала вдовой, что я «черная вдова», что на мне лежит чье-то заклятье!

За обедом, более чем скромным, Мария рассказывала последние новости:

– Две недели назад у меня умер папа... Он так страдал от астмы. Всю жизнь на мельнице, всю жизнь дышал мучной пылью...

– Прими мои самые искренние соболезнования. Теперь мы с тобой оба сироты.

– Спасибо... Я ездила во Фридлянд на похороны. Пожила неделю в этом милом городке. И ты знаешь, там жить намного легче, чем в Берлине. И с продуктами лучше. И городок ни разу не бомбили. У нас же тут просто кошмар! Ты, наверное, уже видел, что стало с домом Главацки: ночью бомба угодила им прямо в крышу! Погибли все, кроме той-терьера. Я решила переехать во Фридлянд. Сдать этот дом и жить там. Как ты на это смотришь?

Лунь едва не поперхнулся от радости: Мария предлагала наилучший выход из его поднадзорного положения! Фридлянд! Старинный городок, что в полусотне километрах от Кёнигсберга. Он бывал там несколько раз проездом. Высоченная кирха и вокруг средневековые островерхие домики, как на картинках к сказкам братьев Гримм. Конечно, там не так просто затеряться, как в большом городе, но если все хорошо продумать... Главное, чтобы уехать во Фридлянд скрытно, так, чтобы никто из друзей и соседей Марии этого не узнал.

– По-моему, в этом есть резон, – сказал он как можно спокойнее. – А где мы там сможем жить?

– Прямо на мельнице! У папы на втором этаже две жилых комнаты и кухня. А на первом этаже живет его механик, дядя Пауль. Ему под семьдесят и он совершенно одинок. Я знала его еще девчонкой – добрейшей души человек! Он там и яблоневый сад разбил, и за могилой отца присматривает.

– Ну, что ж, дорогая Мария, это твоя земля и твои стены. Они тебе помогут. Хорошая идея. Давай переедем туда. Но это надо сделать так, чтобы никто не знал, что мы едем именно во Фридлянд. Понимаешь почему?

– Почему?

– Меня сейчас отпустили в бессрочный отпуск. Но в любой день снова смогут призвать. Я свое уже отслужил. И нужно...

– Понимаю тебя прекрасно! Что для этого нужно сделать?

– У тебя же в Вене живет брат. Давай всем скажем, что мы едем в Вену. И пусть меня ищут там! Если я им на что-то еще годен...

– Я скажу об этом только Марте и соседям слева, они будут следить за домом.

– Замечательно! – улыбнулся Лунь. – Если ты скажешь Марте, то о нашем отъезде в Вену будет знать весь Фронау, а то и пол-Берлина!

– А те, кто станет здесь жить? Им же надо будет держать с нами связь.

– Скажи им, что мы сами будем им звонить. Если что-то срочное, пусть сообщат соседям. Деньги пусть переводят на твой счет в шпаркассе.

– Хорошо. Мы возьмем только самое необходимое. У папы там есть все, что нужно для жизни. И даже целый подвал с домашними консервами.

«Самого необходимого» набралось три больших чемодана и один рюкзак.

– Ну, я же не смогу со своей спиной тащить такие тяжести! – протестовал Лунь. После тщательной ревизии вещей чемоданов стало два. Но зато прибавилась коробка с кустиками комнатных лимонов.

– Я понесу рюкзак и коробку, – распределяла Мария. – А чемоданы мы поставим на тележку, и ты ее покатишь.

На том и порешили.

Ночной таксист привез их на Лихтенфельдский вокзал, откуда отправлялись поезда на Вену. А утром, проверив, нет ли за ними хвоста, Лунь с Марией наняли еще одно авто и переехали на Нордбанхоф. С большим трудом взяли два билета до Кёнигсберга. Пассажирские поезда на четвертый год войны ходили крайне редко и необязательно. Больше всего Лунь боялся встретить на кенигсбергском вокзале кого-либо из старых знакомых. На всякий случай он замотал щеку платком, изображая флюс и дикую зубную боль. Впрочем, на вокзале они не задержались. Единственный автобус, который ходил на Фридлянд, отправлялся через десять минут, и они успели втиснуть в его багажник свои чемоданы и коробку с лимонами.

Появление в городке новых людей не стало ни для кого сенсацией: дочь мельника приехала в дом покойного отца вместе с новым мужем – только и всего. К тому же не им первым пришла в голову спасительная мысль переселиться из крупного центра в глухомань, почти не знавшую англо-американских бомбежек. Старый мельничный механик дядя Пауль, с седыми баками, с выцветшими голубыми глазами под кустистыми бровями, в своем неизменном темно-синем комбинезоне встретил их, как долгожданных родных людей. По-быстрому нажарил картошки с луком, извлек из старых запасов бутылку кальвадоса, а после обеда отвел их на кладбище, где рядом с камнем, под которым покоилась мать Марии, стоял старый жернов с именем мельника Манфреда Анке.

Положили цветы и долго смотрели в небо, куда отправились души стариков Марии, и по которому летели на юг, отнюдь не журавли, а эскадры американских «летающих крепостей». По великому счастью, крохотный Фридлянд не представлял для них ни малейшего интереса.

День за днем Мария и Лунь обживали новое жилище. А главное, запасали дрова на надвигающуюся зиму и продовольствие, которое становилась большой редкостью в лавках Фридлянда, как и на единственном его рынке. Правда, в подвале старого дома отец Марии запас немало консервированных помидоров, патиссонов и яблочных компотов. Радовала глаз и большая бочка с засоленной капустой, но все же это была скорее приправа, чем серьезная еда. Стараниями дяди Пауля они приобрели несколько ящиков картошки и два мешка с пшеничной мукой. С этим уже можно было пускаться в голодную военную зиму, которая не сулила жителям Фридлянда, как и всей Восточной Пруссии, ничего хорошего. Лунь не знал истинного положения на фронтах, но по многим приметам глаз разведчика определял ситуацию в Кёнигсбергском крае как весьма угрожающую.

В один угрюмый день на мельницу нагрянула команда продовольственной службы во главе с интендантом в ранге майора. Он заявил, что отныне мельница будет выполнять только военные заказы, и реквизирует те запасы муки в двух мешках, которые раздобыл дядя Пауль. Вслед за мешками ушли на «нужды обороны фатерланда» и все овощные консервы с полок подвальчика. «Не хуже нашей продрозверстки вымели!» – с горечью отметил про себя Лунь.

После Данцига, после того, что пришлось там пережить, седых прядей в шевелюре Луня заметно прибавилось. «Седой, как лунь!» – усмехнулся он своему отражению в зеркале во время очередного бритья. При самом снисходительном отношении к своей внешности Лунь

не мог не признаться, что выглядит намного старше своих лет. Разведка ни здоровья, ни молодости не прибавляет. «Слава богу, что я еще вообще хожу по белу свету! – приободрил себя Лунь. – Живу по недосмотру абвера и гестапо. Возможно, и родного НКВД тоже. Но ведь живу!» Он хотел, чтобы Красная Армия побыстрее покончила с вермахтом, и в то же время опасался встречи с соотечественниками. Первым делом начнут трясти частный сектор. На его памяти свежо еще было раскулачивание лавочников да мельников. Придут – все повторится по старой схеме.

А пока Лунь предавался семейным радостям последних тихих дней. Радостей было немного: ловил карасей в мельничном пруду да ходил с Марией в лес за лисичками. По вечерам играл с дядей Паулем в скат. Иногда изучал книги по мукомольному делу. Читал Библию. Когда на душе совсем становилось худо, нежничал с женой в спальне, понимая, как бренны они оба и как эфемерны их последние ласки. По ночам под покровом темноты через городок проходили германские войска, совершая непонятные маневры. Ревели грузовики, лязгали танки, громыхали бронетранспортеры. Война придвигалась вплотную.

– Может быть, вернемся в Берлин? – спрашивала его Мария.

– Боюсь, там будет самый настоящий ад.

– Что же нам делать?

– Не метаться. Держаться за землю. Это самое надежное.

– Да поможет нам Господь! – вздыхала Мария. Ее лимонные деревца на подоконниках давали плоды. Лунь наскребал под жерновами пригоршни муки с отрубями, и Мария делала из них лепешки, добавляя в тесто лимоны. Сахара не было, получалось кисло, но полезно. Особенно, если удавалось достать немного свекольного эрзац-мармелада.

Куда-то исчезла Мице. Лунь подозревал, что ее поймали и съели. Но подозрениями с Марией не делился, она и так слишком глубоко переживала эту новую потерю.

Ближе к весне стала стягиваться петля голода. Недоедание и безвитамина еда вроде ячменной каши или эрзац-мармелада, который еще можно было купить за большие деньги, делали свое дело. Первой свалилась Мария. По всем признакам ее одолел тиф. С большим трудом вдвоем с дядей Паулем они снесли ее в подвал, поскольку фронт приблизился к Фридлянду вплотную. По счастью, командование Кёнигсбергской группировки не собиралось делать из городка неприступную крепость, вермахт занял оборону на других рубежах, но артиллерия вела огонь через крыши домов, получая в ответ такие же перелетные залпы. Время от времени на улицах Фридлянда рвались шальные снаряды, а некоторые попадали в дома и находили свои жертвы там. Особенно страшно были пролетающие реактивные снаряды советских «катюш». Обыватели попрятались по подвалам и погребам. Ясно было, что война проиграна, и побежденные ждали горя. Всеми овладела апатия и полное безразличие к своей судьбе. Кто мог, тот давно уже покинул городок, увозя нехитрый скарб на велосипедах, тележках и детских колясках. Но на таких колесах от войны не уедешь и война настигала беженцев на дорогах, в полях, на льду залива.

Глава шестая

«По дороге на Берлин вьется серый пух перин»

В одно прекрасное утро, когда канонада внезапно стихла – с трудом верилось, что навсегда – Лунь выбрался из мельничного подвала и осторожно обошел дом и пруд. По дороге, огибавшей мельничное водохранилище, двигались советские танки, а за ними колонны на невиданных грузовиках с длинными шучьими мордами. Лунь никогда не видел американских «студебеккеров», как не видел и новых тяжелых танков «ИС». Он испытал невольное чувство гордости за свою армию, которая получила такую серьезную технику. Но вместе с тем ему, увы, надлежало играть роль испуганного немецкого бюргера, и роль эта ему вполне удавалась.

Ближе к обеду он вышел на разведку в город. Если не считать разбитых окон да сорванной кое-где черепицы, Фридлянд почти не пострадал. Правда, дом аптекаря стоял без угла, обнажив рухнувшие полки с лекарствами, да посреди Ратушной площади зияла огромная воронка с россыпью вывороченной торцовой брусчатки, а в остальном все было как всегда. Витрины всех лавок были зашторены железными жалюзи. Но на площади возле кирхи что-то происходило: там толпился народ и пиликала гармошка, ровным столбом поднимался синеватый дымок. Возле дымящей полевой кухни, сидя на недорубленном березовом чурбаке, гармонист с сержантскими погонами на замызганном полушубке рьяно рвал меха выдавшей виды саратовской гармошки. Захвратские переборы под молодецкое рявканье басов поддерживал жесткий прихлоп солдатских ладоней; и два удалца – один в подвернутой шинели, другой в стеганом ватнике, но оба в добротных сапогах, лихо отплясывали ведомый только им одним танец: нечто среднее между лезгинкой и «барыней». Редкие горожане, привлеченные запахом еды, посматривали на них с опаской и любопытством, держась, однако, поближе к дымящим и парящим кухням.

От этой нехитрой деревенской игры, от этой удалой солдатской пляски повеяло чем-то таким родным и забытым, что Лунь едва и сам не вышел в тесный круг своих бывших соотечественников. Вдруг припомнилась Сморгонь и его рота, стрелки, которые тридцать лет тому назад точно так же отплясывали после отвода в тыл, радуясь отсрочке смертной судьбы.

Тем более что и погоны, которые Лунь видел на советских солдатах впервые, были почти такие же, как и у его нижних чинов...

Подъехала легковушка, из которой вылезли пожилой капитан с пристегнутой к портупее пашкой и моложавый круглолицый подполковник. Погоны на его серой шинели были тоже очень похожи на те, которые носили офицеры их 36-го Орловского полка в 1916 году: только чины назывались иначе. Нынешний капитан по-старому бы назывался штабс-капитаном, а у белесого круглолицего подполковника не хватало третьей звездочки для того, чтобы быть подполковником старой русской армии. И еще выскочил из машины старший лейтенант (по-старому – поручик) и стал фотографировать «лейкой», то подполковника на фоне истерзанной осколками и пулями ратуши, то немецких жителей, сиротливо жавшихся к кухням, то сами кухни, то пляшущих бойцов.

Судя по всему, капитан был комендантом города. Его сопровождали трое патрульных, соскочивших с сопровождавшего машину мотоцикла. Капитан обратился к немецкой толпе с просьбой:

– Граждане немцы! Сейчас состоится раздача горячей пищи населению вашего города. Просьба соблюдать порядок и встать к кухням в порядке живой очереди!

Он прокричал все это по-русски в надежде, что кто-то его поймет, но тщетно – его не понимали. Горожане как стояли, так и переминались с ноги на ногу. Комендант еще раз повторил свою тираду и обескураженно обвел взглядом толпу. Никто не пошевелился. И тогда Лунь подошел к коменданту и громко сообщил все, что требовалось по-немецки. Толпа тут же разбилась на две группы и выстроилась в два хвоста. Капитан благодарно взглянул на Луня и попросил:

– Скажите им, что с завтрашнего дня в ратуше начинает работу комендатура и они могут обращаться ко мне по всем вопросам.

Лунь перевел. Но немцы никак не прореагировали на это сообщение. Они ждали горячей еды.

– Вы по-русски говорите? – спросил комендант Луня.

– Ньемного говорю.

– Очень хорошо! Хоть кто-то знает здесь наш язык, – обрадовался капитан. – Подойдите к кухне без очереди и возьмите каши.

– У мьеня больной жена. Можно мне взять и для нее?

– Можно! Дай ему две порции! – крикнул капитан кашевару. – И мяска побольше!.. Как вас зовут гражданин?

– Клаус Вебер. Можно по-русски – Коля. Николай, – повеселел Лунь. – Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй!..

– К тебе девушки придут, поцелуют и уйдут! – радостно подхватил капитан. – Слушай, Николай! Приходи завтра в комендатуру, то бишь в вашу ратушу. Я людей буду принимать. Мне переводчик нужен. Заплачу продуктами.

«Это спасение!» – подумал Лунь, и ответил, забыв про немецкий выговор:

– Обязательно приду.

Тут капитан обратился к круглолицему офицеру.

– Товарищ подполковник! Александр Трифонович, почитайте бойцам стихи. Пожалуйста! Они никогда живого поэта не видели!

– Да пусть смотрят сколько хотят, пока живой! – усмехнулся подполковник.

– Нет. Они вас послушать хотят. Вы же про нашу жизнь как никто пишете! Они вас любят. Почитайте!

– Ну, раз любят – почитаю. А кашей накормите?

– Еще и фронтовые сто грамм нальем!

– Ну, ладно! Почитаю. На злобу дня, – подполковник расстегнул планшетку, достал блокнот, поворошил страницы.

– Это наш поэт знаменитый! – толкнул комендант локтем своего переводчика. – Твардовский! Может, слышал?

Лунь растерянно покачал головой, он и в самом деле никогда не слышал такого поэта. Шутка ли – с тридцать пятого года за кордоном Отечества.

Подполковник встал на приступку кухни, снял фуражку, открыв густые русые, зачесанные назад волосы. Оглядел военную публику, уже обступившую кухню со всех сторон, и с улыбкой начал, будто не стихи читал, а просто разговор повел:

Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.

Суп – во-первых, во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий – это точно.

Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую!

Тут поэт в подполковничьих погонах взял лежавший поверх котлов черпак и показал слушателем, от чего те пришли в веселый восторг. Твардовский, не теряя темпа, продолжал дальше:

Я вторую, брат, войну
На веку воюю.

Оцени, добавь чуток.
Покосился повар:

«Ничего себе едок —
Парень этот новый».

Ложку лишнюю кладет,
Молвит несердито:
– Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.

Тот: – Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше вроде вас,
Поваром в пехоте.

И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.
«Свой?» – бойцы между собой, —
«Свой!» – переглянулись.

И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.

Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу ...

– Тёркин!!! – радостно заорали, зарукоплескали слушатели-бойцы. – Еще давай! Еще!
Твардовский отмахнулся от настырного дыма, который вдруг повалил из трубы, как из
паровоза, – это повар подбросил дровишек. Стихи стихами, а кашу варить надо.
– Ну, тогда слушайте то, что сегодня написал, в вашем городке.

По дороге на Берлин
Вьется серый пух перин.

Провода умолкших линий,
Ветки вымокшие лип
Пух перин повил, как иней,
По бортам машин налип.

И колеса пушек, кухонь
Грязь и снег мешают с пухом.
И ложится на шинель
С пухом мокрая метель...

Твардовский запнулся, пригладил волосы, оглядел с высоты подножки площадь и дальше
повел речь о том, что стояло перед глазами:

Скучный климат заграничный,
Чуждый край краснокирпичный,
Но война сама собой,
И земля дрожит привычно,
Хрусткий щебень черепичный
Отряхая с крыш долой...

Мать-Россия, мы полсвета
У твоих прошли колес,
Позади оставив где-то
Рек твоих раздольный плес.

Долго-долго за обозом
В край чужой тянулся вслед
Белый цвет твоей березы
И в пути сошел на нет.

С Волгой, с древнею Москвою
Как ты нынче далека!
Между нами и тобою —
Три не наших языка...

Лунь слушал, поражаясь давно неслыханной чистоте русской, да еще поэтической, речи. Так просто, без напряжения, лил этот круглолицый подполковник свою песнь. «Ленин с броневика вещал, – усмехнулся он. – А этот с полевой кухни к массам обращается. И ведь как слушают! Любой вождь позавидует!»

Поздний день встает нерусский
Над немилой стороной.
Черепичный щебень хрусткий
Мокнет в луже под стеной.

Всюду надписи, отметки,
Стрелки, вывески, значки,
Кольца проволочной сетки,
Загородки, дверцы, клетки —
Все нарочно для тоски...

Лунь посмотрел вокруг глазами подполковника, и вдруг ему открылось чужое зрение: «да как же он раньше этого не замечал?! Вот же, приехал откуда-то этот круглолицый и сразу же перенес все эти приметы здешнего бытия в свои стихи! Вон же они – и стрелки, и вывески, и значки, и даже кольца проволочной сетки! И все нарочно для тоски. Лютой тоски... Как же он это почувствовал?! Да еще передал всем – от сердца к сердцу...»

Мать-земля родная наша,
В дни беды и в дни побед
Нет тебя светлей и краше
И желанней сердцу нет.

Помышляя о солдатской
Непредсказанной судьбе,
Даже лечь в могиле братской
Лучше, кажется, в тебе.

А всего милей до дому,
До тебя дойти живому,
Заявиться в те края:
– Здравствуй, родина моя!

Солдаты захлопали не в лад. Кто-то крикнул в честь автора «ура!» И восторженный клик этот тут же подхватили в полсотни глоток. И Лунь заорал тоже. Твардовский слез с подножки, надел фуражку и взял под козырек своим слушателям.

* * *

Лунь принес домой целый котелок неостывшей еще гречневой каши. Он распустил ее в кипятке и получился суп, которого хватило на троих. Мария воспрянула духом и от горячей еды, и от хороших новостей. Шутка ли – в такое время получить работу?! Да еще с продовольственным пайком...

В комендатуру Лунь являлся точно к восьми утра и сразу же принимался за дело: переводил объявления, приказы, допрашивал в присутствии коменданта немецких солдат, захваченных с оружием в окрестных лесах, переводил сообщения и просьбы оставшихся в городе специалистов по муниципальному хозяйству. Комендант – Иван Матвеевич Окунев, бывший директор сельской школы из Краснодарского края, – во все проблемы вникал ушло и дельно. Лунь же в конце рабочего дня получал свой честно заработанный паек: буханку серого хлеба, банку тушенки и стакан крупы – пшенки или гречки. А также шесть кусочков пиленого сахара. В день, когда Германия подписала капитуляцию и весь Фридланд громыхал радостной пальбой из всех видов стрелкового оружия, комендант вручил Луню две бутылки: одну – с водкой, другую – с подсолнечным маслом. Лунь честно выпил за Победу, объявив Марии и дяде Паулю, что пьет за окончание войны и избавление Германии от Гитлера. Дядя Пауль охотно поддержал его, Мария тоже пригубила «русский шнапс» и нашла его слишком крепким.

Так или иначе, теперь уже начиналась совершенно новая жизнь – абсолютно для всех.

Глава седьмая

На круги своя...

К лету 1946 года Фридланд стал заштатным городишком Кёнигсбергской области и вошел в состав Советского Союза. Впрочем, коренным его жителям, немцам, еще разрешался переезд в Германию как Восточную, так и Западную после соответствующей проверки на денацификацию. Мария умоляла мужа уехать в Берлин, и Лунь, почтя это за благо, подал заявление на выезд. В тот же день его пригласил к себе комендант и стал просить остаться еще на полгода, поскольку не мог себе пожелать лучшего переводчика.

– Всего полгода, – упрашивал Иван Матвеевич, – пока я еще здесь. А потом вместе уедем: вы – в Германию, я – в Россию. Обещаю вам оформить ваши документы без проволочек и без проблем. Побудьте еще немного. Без вас, как без рук!

Комендант и жалованье обещал прибавить. Лунь согласился. Но через три дня капитан Окунев пригласил Луня в кабинет и, чем-то весьма расстроенный, сказал:

– С вами хочет побеседовать один человек, – при этом деликатно вышел, оставив своего незаменимого переводчика наедине с другим капитаном – с эмблемами танкиста на золотых погонах.

– Антон Сергеевич, – не по-военному представился танкист и сделал добрые глаза. – Слышал о вас много хорошего от нашего коменданта. Я понял, что вы хотите уехать в Берлин, а Иван Матвеевич вас отговаривает. Где вы собираетесь жить в Берлине?

– Во Фронау. У нас там дом.

– Замечательно! – почему-то обрадовался капитан. – Прекрасный пригородный район. Правда, теперь там весьма плотно обосновались американцы... Я бы мог помочь ускорить ваш отъезд, если бы и вы согласились помочь мне, точнее, нам. Для вас, наверное, не секрет, что в Западном Берлине сейчас много американских военных частей. Нам сейчас очень важно знать, где именно они расположены и что из себя представляют...

Капитан внимательно заглянул в глаза собеседнику. Лунь с трудом удержался от улыбки: его вербовали! Предлагали поработать на родной Разведупр, на который он и без того проработал столько лет! Нет, нет, конечно же, вербовали не его, а немецкого гражданина Вебера, но в итоге же – все равно его, Луня! Забавная ситуация!

– А если мною заинтересуются американцы? – с напускной робостью спросил он.

– У вас хорошая репутация! И потом, мы вас всегда прикроем! Мы своих не бросаем!

«В сороковом уже прикрыли! – вертелось на языке. – Орлана вы тоже не бросили, а взяли да и пустили в расход!..»

– Вы мне дадите немного времени подумать, господин капитан?

– Да, конечно! Подумайте и знайте, что жить в Берлине сейчас очень нелегко. Мы могли бы помочь вам там и с деньгами, и с продуктами.

– Я учту, господин капитан. До завтра!

– Надеюсь, вы понимаете, что наш разговор – только между нами!

Разумеется, Лунь ни словом не обмолвился Марии о полученном предложении. Он уже давно мысленно сказал ласковому капитану свое «да». Да, он согласен вернуться на свою прежнюю службу, хоть и в иной личине. Так или иначе, но все же перед ним забрезжил шанс вернуться на родину. Возможно, даже простят его невозвращенчество. Тут надо хорошо отличиться... Всю ночь Лунь почти не спал, прикидывая все «за» и «против». Мария даже забеспокоилась – не заболел ли он?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.